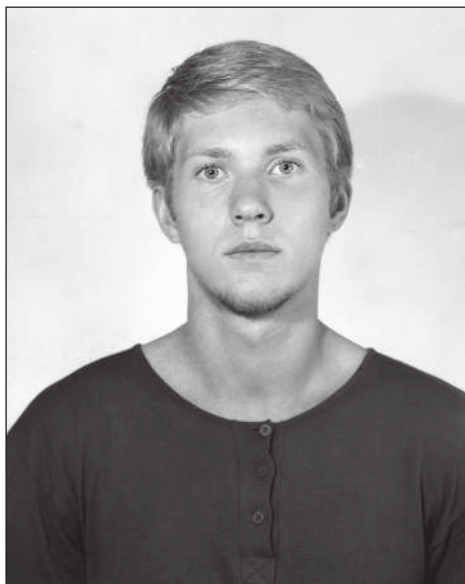

Алексей Капустин

ЛЮБИМЫЙ ЖИРАФ САЛЬВАДОРА ДАЛИ

Книга в журнале

АЛЕКСЕЙ КАПУСТИН (1982–2001)

Чтобы рассказать об Алексее Капустине, может не хватить и целой книги. А можно — одной фразой: он родился художником. Исключительная музыкальная одарённость, которая проявилась намного раньше, чем одарённость литературная, сразу показала: Алексей не исполнитель, не интерпретатор. Он — творец. Он видел мир через образы, созданные собственным мироощущением. Жозеф Жубер как-то сказал: «Ранние страсти делают человека равнодушным ко всему, что его не опьяняет». Нелегко подростку жить под напряжением таланта в сто тысяч вольт, Алексей не был исключением из этого правила. А судьба не даёт человеку возможности самому выбирать время, в котором ему жить. И, возможно, если бы время осознания себя и действительности выпало для Алексея на более стабильную эпоху, он бы смог примирить с ней своё творчество. Но 90-е годы, конец XX века, не дали ему такой возможности. Да, пресловутая эпоха перемен — в духовном плане — не способствует творчеству. Она позволяет только выживать... И у художника остаётся только два пути — или всю свою энергию направить на то, чтобы приспособиться, выгородить для себя тихий уголок и свысока презирать суету, или окунуться в самую гущу кипящей лавы и попытаться из неё вылепить мир таким, каким художник его видит и понимает. Алексей выбрал второй.

Э. Шмитке

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ирина Горина</i> . Гориной Величина одиночества и философия творчества Алексея Капустина.....	127
Любимый жираф Сальвадора Дали	130
Обрывки бумаги, наклеенные на кирпичную стену (таинственные новеллы).....	171
Мяч на асфальте	171
Гора посреди заката	176
Стена	179
Свеча истины	184
Драгоценные песчинки.....	187
Меч справедливости	189
Свет	193
Пояснения автора к таинственным новеллам	195

Ирина Горина,

кандидат философских наук,
преподаватель культурологии

ВЕЛИЧИНА ОДИНОЧЕСТВА И ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСЕЯ КАПУСТИНА

Он очень любил жизнь. И теперь, физически ощущая присутствие смерти, её лёгкое прикосновение, её ледяное дыхание, он ещё больше хотел жить...

А. Капустин. «Комната для пятерых»

Есть судьбы людей, в величине одиночества которых открывается соотношение природы жизни и тайны творчества. Однако со времён Древнего Египта, а может быть и раньше, человеческая мысль бьётся над этой загадкой Сфинкса. Возможно в этом и заключается некий шифр вечности, который очерчивает невидимой линией сферу запретного, уединённого, сокровенного и непознаваемого, для того, чтобы мы, благоговей пред тайной, знали пределы своего ума и разумно понимали: нельзя рваться, логически измерять жалкими циркулями и линейками ту небесную сферу, которая нам недоступна.

Один удар по небу творчества молотком какой-нибудь метафизической концепции или психотерапевтического тренинга отвечает такой отдачей, что самоуверенный циник или психотерапевт, знающий ответы на все вопросы человечества с помощью тестов, получит в ответ волну такой ударной силы, что уже не станет повторять попытку. Тайну творчества, как и тайну творения мира, нельзя открыть, сделав всеобщей или публичной, к ней можно лишь прикоснуться. Она у каждого своя и, живя в человеке, она делает его творцом формы — художником, поэтом, музыкантом. Тайна — подобие пульсирующего сердца мира. Если в унисон бьётся сердце человека, то возникает дуэт сотворчества, необходимым условием которого может быть одиночество, ибо оно всегда взаимно — сиротство мира и человека.

Неприкосновенность, внутренняя свобода — как непринадлежность никому и не чему падающего снега, дождя за окном, деревьев, листьев, цветов, птиц... И его одного на все и во все времена — человека, творца своего уединённого мира, существующего не за счёт пользования, потребления и отражения внешних форм, а наоборот — вследствие целеполагания их существования.

Можно ли понять: «Кто Я? Что Я?» — вне шума моря, мерцания звёзд, маленького ёжика, мирно живущего в лесу, без японской статуэтки, стоящей на

столе и маминых котлет... Возможно, да! Если уйти в абстрактные рассуждения о всеобщем, метафизическом и глобальном гуманизме, космическом назначении человека-творца, имя которого звучит гордо среди естественных форм униженной им же природы. Тогда открывается широкая, прямая перспектива столбовой дороги всеобщего прогресса с неизбежной победой науки и техники над тайнами природы, властью смешных биотехнологий над жизнью и смертью. Есть мнимая убежденность: если нам не дано понять этих категорий в человеке, то мы их приручим и решим проблему бессмертия или бесплодия с помощью биотехнологий современной науки.

Всё замечательно, но как это похоже на глупую Принцессу из сказки Андерсена. Она променяла живую розу и соловья от влюблённого на горшок с колокольчиками и трещотку для танцев от Свинопаса. А потом осталась сидеть маленькой, жалкой, под дождём — так и не осознав, что же произошло. А произошла замена живого и естественного, пусть колючего как роза, пусть свободного и не привязанного к клетке соловья, на искусственные удовольствия: сомнительные запахи со всех кухонь и легкомысленные танцы.

Она обрела их, потеряв своё лицо и положение Принцессы, прежде всего — в глазах Принца. Потому что не поняла смысл дара. Дара творения природных форм уединённым человеческим духом, привязанного не к искусственным всеобщим вещам, а к единичным, глубоко личным и горячо любимым. И Принц Андерсена так похож на Маленького принца Сент-Экзюпери, у которого тоже ничего не было, кроме Розы, и в этой Розе умещался весь его мир.

Для поэта и музыканта Алексея Капустина мир тоже был розой — единственной и неповторимой, благоухающей и нежной, с обязательными шипами. Всё его творчество — поэзия и проза — благоухает запахами тайны, которую он видел и чувствовал среди забот и серых будней. Поэтому его творения так зрительно ярки, образны, и читая его произведения невольно вдыхаешь аромат жизни, разлитой повсюду. Читателю он открывает мир знакомых вещей, сущность которых — в золотом сечении дня — открывается новыми гранями.

Он — художник, расکاшивающий серые будни красками своей души и сердца. Кто его соавтор? Его соавтор — это весь мир — его Роза — одинокая и нежная. Уязвлённый её шипами в самое сердце, поэт не может молчать и поёт о своей любви, страдании, боли и бесконечном удивлении перед нерушимой гармонией мира, в изменчивой природе жизни и смерти.

Это первое признание в любви, которое, по словам Пушкина, всегда есть «дело чувства». И здесь уже не важен исход, причина, цель творчества, его внутренняя алхимия. Важно, что состоялся акт рождения поэта, сумевшего поймать и отразить солнечный свет неугасимой радости бытия, в спектре которого синтезируется его боль, счастье, страдание, любовь, слёзы и даже смерть, открывая пространство истинной свободы и неуничтожимости жизни.

Это особый род земной святости, недоступный пониманию многих священнослужителей. И возможно поэтому в пантеоне человечества так много поэтов, творчество которых спасает нас в минуты самой тяжкой богооставленности, малодушного безверия и циничного нигилизма.

«Поэты бывают святые. // У них только одна дорога: // До капли последней выпить // Слёзы, данные Богом...» — писал А. Капустин.

Одиноким голос человека может сделать то, что не под силу самому пламенному проповеднику. Он один и всегда соло, он не поёт дуэтом, даже со своим миром. Они солируют по очереди, часто сбиваясь с ритма и такта, образуя при этом смысловые пустоты, а может и пустыни, в которых читателю открываются образы пейзажей неведомых горизонтов: «Хорошо. Слушай. В середине пустыни, в самом её центре, высоко над Землёй парит большая, красивая роза. Она пульсирует как сердце, и невидимые волны расходятся от неё во все стороны, оживляя пустынный мир. От палящего солнца на лепестках розы образуются большие прозрачные капли воды. И когда одна такая капля срывается на землю, все жители пустыни начинают плакать. Они плачут и плачут, сами не зная почему, пока вся их душа не выйдет через слёзы и, подхваченная импульсом розы, не вылетит на свободу. Никто не знает, откуда роза черпает влагу, ведь у неё нет даже стебля. Говорят, что её питает неиссякаемая чаша страданий. Так или иначе, но красная роза никогда не увядает. И тот, кто хоть раз окажется под её тенью, становится бессмертным...»

Это отрывок из единственной пьесы Алексея Капустина «Любимый жираф Сальвадора Дали». Тайна бессмертия в творчестве является доминирующей в пьесе «Любимый жираф Сальвадора Дали». В ней сходятся 7 художников и 12 апостолов во главе с Учителем, имя которого сокрыто. Мистический мир картин Сальвадора Дали, образ которого, возможно, является проекцией самого автора пьесы, оживает в сцене Тайной вечери, отображённой в произведении испанца. Тайна творчества отражается в пересечении индивидуальных миров всех действующих лиц в ожидании Всемирного учителя. В многомерности бытия личного существования заключена иерархическая лестница сотворённого космоса, в восхождении и понимании явленных откровений. В диалогах оживают четыре картины Сальвадора Дали: первая картина — «Горящий жираф» как символ невозполнимой утраты, гибели живого космоса. Чувства ужаса и страха конца мира и истории в пустыни бытия и драматическом монологе выявляют тупик, безысходность существования. Вторая картина — «Медитативная роза» или «Цветок» предстаёт как источник жизни — её слёз и радости. В то же время, она есть сердце мира, питающаяся страданиями людей, которые таинственным образом преображаются в свет радости, источник вдохновения. У неё нет корней и стебля, она возникает как мираж сознания в воображении художника, выявляя скрытую магию мира, объединяющую чувства, желания всех людей. Третья картина, «Распятие», сопровождается пронзительным монологом — прозрением

души героя, в самосгорании открывающем величайшую мистерию Голгофы, распятия себя во времени и пространстве, когда тело человека становится координатами жизни природы и людей в новом мире. Четвёртая картина — «Тайная вечеря» — образ учителя и скрытых учеников в гранях вечного бытия, в плоскости жертвенного стола — алтаря. Мы видим вдохновенное лицо учителя, Мастера, в котором нет скорби, а есть просветление в прозрении высшей истины, назначенной человеку как творцу Вселенной. Материалом для созидания новой земли, нового неба является своя плоть и кровь.

Можно утверждать: в пьесе «Любимый жираф Сальвадора Дали» Алексей Капустин вводит читателя в зримость становления богочеловечности через преодоление смертного естества в творческом порыве, при котором слово Бога обретает плоть и кровь Человека, следствием которой является преодоление закона необходимости и смерти на этой планете. В стихах и прозе Алексея Капустина присутствует глубина мистических прозрений многомерности бытия человека, понимание скрытых движений и горизонтов творчества, влекущих к себе людей ищущих, мыслящих и чувствующих...

ЛЮБИМЫЙ ЖИРАФ САЛЬВАДОРА ДАЛИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сальвадор Дали — аккуратный мужчина лет 40, среднего роста, в костюме.

Пабло Пикассо — похож на Пикассо в 35 лет, тоже в костюме.

Иероним Босх — высокий, солидный, в новом парике, носит тёмно-розовый сюртук, ему 50 лет.

Анри Матисс — оранжевый.

Поль Гоген — вызывает симпатию, хотя одевается непринуждённо, любит подражать Ван-Гогю, ему около 30 лет.

Василий Кандинский — робкий молодой человек из России, высокого роста, с высокой же светло-русой причёской, ему максимум 25 лет, он носит тёмно-серый костюм.

Андре Дерен — трудолюбивый молодой человек среднего роста, друг и ровесник Кандинского.

Учитель.

Апостолы: Пётр, Варфоломей, Иоан, Симон, Иаков I (Алфеев), Иаков II (Заведеев), Матфей, Андрей, Леввей, Филипп, Иуда, Фома.

ДЕЙСТВИЕ 1

Комната Сальвадора Дали, абсолютно пустая, чёрная, вход слева.

Явление 1

Дали (говорит спокойно и сосредоточенно, несколько печально, стоя в центре комнаты лицом к залу): Пабло спалил моего любимого жирафа. (За кулисами раздаётся короткий смешок Пикассо) Но я рад, что остался художником. Жить в пустыне — мечта моего детства. Да, я мечтал в детстве. В основном о тех временах, когда можно будет положить голову на пятнистое плечо моего высокого друга. Пабло тоже в молодости отравился кубами. (Смех за кулисами.) А я не люблю острые шпаги. Они очень неприятно давят. Как будто бы ты один посреди дождя держишь на спине все слёзы Вселенной. «Хочешь яблоко, приятель?» — спросил он меня однажды. А я вдруг представил Моцарта с торчащим из груди реквиемом и отказался. Я боюсь его. Сегодня он спалил жирафа, а завтра, быть может... Нет, нет и нет!.. Никогда!.. Я становлюсь мнительным. (Пауза.) (Самому себе.) Вот послушай, Сальвадор. (Кричит за кулисы.) Пабло! (Оттуда раздаётся всё тот же смешок.) Чувствуешь?.. Не нравится мне его настроение.

(Пикассо стремительно пронесётся через сцену перед Дали и вновь скрывается за кулисами.)

Дали: Я рад, что остался художником. Жить в пустыне — мечта моего детства... Я очень обеспокоен. Мне всё время кажется, что есть ещё худшее состояние, чем абсолютное одиночество, и оно приходит именно тогда, когда одиночество перестаёт приносить страдания. Я чувствую, оно уже приближается ко мне. (Пугливо озирается по сторонам.) Пабло спалил моего единственного друга. (Смех за кулисами.) Мне страшно. Раньше я боялся только своих красок, того, что они породят на холсте. А теперь мне по-настоящему страшно. (Начинает нервно прохаживаться по сцене.)

(Пикассо медленно выходит из-за кулис, опустив голову, и садится на пол, обхватив ноги Сальвадора Дали.)

Дали (потрепывая его по голове): Эх, Сальери, мальчик мой, зачем ты отравил моего любимого жирафа?

Пикассо: Папа, ты не обиделся на меня? Я больше не буду. Честно. Обещаю тебе.

Дали: Ну что ты, сынок! Как я могу на тебя обижаться?

Пикассо: Спасибо, папа.

Дали (жёстким голосом): Не называй меня так. Я нарисовал тебя по ошибке.

Пикассо: А как же мои кубы?!

Дали (устало и несколько раздражённо): Ступай прочь!

(Пикассо стремительно убегает за кулисы.)

Дали: Я рад, что остался художником. Жить в пустыне — мечта моего детства. (Поворачивается спиной к залу и стоит неподвижно, сцепив руки за спиной и наклонив голову.)

Явление 2

(Входит Иероним Босх, он очень гордится своим роскошным париком.)

Босх: Не спишь, Сальвадор?

Дали *(не оборачиваясь):* Нет, а ты?

Босх: А я — иногда. В основном, по ночам. Знаешь, это когда темно.

Дали: Присаживайся.

(Пикассо, сунув спину и наклонив голову, пересекает сцену, задумчиво неся стул; ставит его рядом с Босхом и, не останавливаясь, уходит за противоположные кулисы. Босх садится на стул и поправляет парик.)

Босх: А я сегодня придумал нового зверя.

Дали *(резко обернувшись):* Пабло спалил моего любимого жирафа!..

Босх *(мечтательно):* Инквизиция...

Дали: Нет, я не сержусь на него. Он очень талантливый мальчик. Представляешь, он даже пишет музыку.

Босх: Как Моцарт?

Дали: Даже лучше. Хочешь послушать? *(За кулисы.)* Сальери, мальчик мой, поиграй нам. Мы просим.

Босх: Да-да. *(Аплодирует.)*

(Выходит Пикассо, садится на пол впереди Босха и Дали лицом к залу и начинает играть на флейте тему «Лакримозы» из «Реквиема» Моцарта.)

Босх *(дослушав музыку):* Сальвадор, а почему у него из рояля течёт вода?

Дали: Потому что в пустыне должна быть вода. *(Пауза.)* Собственно, пустыня и есть вода. Целое море. А посередине плывёт голубой рояль, покачивая белым парусом. *(Пикассо начинает тихо плакать, закрыв лицо ладонями.)* Я чувствую запах его клавиш, и мне становится не по себе. От них отдаёт морской солью или слезами. Как будто бы плачет ребёнок. *(Опомнившись.)*

Пабло, почему ты плачешь?!

Пикассо *(вставая и обнимая Дали):* Авель, брат мой, мне так стыдно, что я отравил тебя. Но ведь я только хотел помочь, помочь тебе, избавить тебя от страданий. Ты ведь так тяжело переживаешь утрату жирафа.

(Босх, не желая мешать семейной сцене, тихо встаёт и удаляется за кулисы вместе со стулом.)

Дали: Каин, знаешь, я всегда мечтал иметь такого старшего брата как ты.

Пикассо: Но ведь я убил тебя?

Дали: Брось, это ерунда. Главное, что мы вместе.

Пикассо: Авель, ты не злишься на меня?

Дали: Нет, Каин, что ты, конечно же, я не злюсь на тебя.

Пикассо: Хочешь, я подарю тебе свой роаяль?

Дали: Спасибо, сынок. Но из чего ты тогда будешь поливать цветы, Сальери, мальчик мой?

Пикассо: Папа, но ведь ты говорил, что в пустыне не растут цветы?

Дали: Я был не прав. В пустыне растёт красная роза. Как-нибудь я расскажу тебе о ней. А сейчас иди спать. Уже поздно. А завтра тебе рано вставать в школу. *(Целует его в лоб. Пикассо стремительно убегает за кулисы. Дали неподвижно стоит лицом к залу и о чём-то думает, слегка улыбаясь.)*

Явление 3

(На сцену, весело танцуя, выходит оранжевый Матисс.)

Матисс: Хэй, Торо, приятель, как дела? Ты уже слышал, что Гоген откусил себе второе ухо сегодня?!

Дали *(шёпотом)*: Да тише ты, Пабло разбудишь. *(Короткий смех за кулисами.)*

Матисс *(тоном тише, но не прекращая приплясывать)*: Да ладно тебе, Торо, не будь таким занудой. Пойдём, выпьем чего-нибудь. Я познакомлю тебя со своей новой натурщицей. Вот такая женщина! Закачаешься...

Дали *(неожиданно)*: Слоны!

Матисс *(перестав танцевать от удивления)*. Где... слоны?..

Дали: Вокруг.

Матисс: Сколько?

Дали: Минимум три. *(Пауза; считает.)* А то и больше.

Матисс: И что же они делают?

Дали: Как что? Катают на головах птиц.

Матисс: А зачем?

Дали: Потому что у них вместо ног деревья.

Матисс: Странные какие-то слоны.

Дали *(гордо)*: А в моей пустыне все слоны такие странные.

Матисс: И много их там у тебя?

Дали: Ни одного.

Матисс: Жаль. *(Длинная пауза; оба смотрят в пол, не зная, что сказать.)*

Матисс: А как твой малыш? *(Смех за кулисами.)*

Дали *(печально)*: Не знаю. Он умер сегодня вечером. *(Тот же смех.)*

Матисс: Какое горе. А от чего?

Дали: Если бы я знал. *(Вздыхает.)* Наверное, отравился кубами.

(На сцену выходит Пикассо в пижаме, волоча за собой покрывало.)

Матисс: А это кто?

Дали: А это мой новый метрдотель.

Матисс *(учтиво кланяясь)*: Очень приятно, месье...

Дали: Каин, так его, кажется, зовут.

Матисс: Каин. Какое интересное имя. (*Пикассо*) Вы, наверное, из России?

Пикассо (*не замечая вопроса, обращается к Дали, показывая на Матисса пальцем*): Папа, откуда в твоей пустыне взялся апельсин?

Дали (*Пикассо*): Сынок, это не апельсин, это месье слон.

Пикассо: Как интересно, а он настоящий?

Дали (*гордо*): В моей пустыне все слоны настоящие.

Пикассо: А художники?

Дали: А художников не бывает. Есть только пустыни, из которых ветер выдувает песок.

Пикассо: А откуда в них берётся этот песок?

Дали: Это звёздная пыль, сынок. Большие оранжевые слоны своими хоботами втягивают её из ночного неба.

Пикассо (*показывая на Матисса*): И этот тоже?

Дали: И этот.

Пикассо: Папа, а почему он вышел из пустыни? Ему что — жарко?

Дали (*улыбаясь*): Да нет, это не мой слон. У него есть натурщица.

(*Пикассо ложится на пол, укрываясь покрывалом, и засыпает*).

Матисс: Ну, я, пожалуй, пойду.

Дали: Да, иди. Навести Гогена в больнице.

Матисс (*удаляясь*): Непременно.

Дали: Спасибо, что зашёл.

(*Дали садится на пол рядом с Пикассо и начинает напевать колыбельную.*)

Явление 4

Пикассо (*проснувшись*): Папа, ты обещал рассказать мне про красную розу.

Дали: Хорошо. Слушай. (*Пауза.*) В середине пустыни, в самом её центре, высоко над землёй в синем небе парит большая красная роза. Она пульсирует, как сердце, и невидимые волны расходятся от неё во все стороны, оживляя пустынный мир. От палящего солнца на лепестках розы образуются большие прозрачные капли воды. И когда одна такая капля срывается на землю, все жители пустыни начинают плакать. Они плачут и плачут, сами не зная почему, пока вся их душа не выйдет через слёзы и, подхваченная пульсом розы, не вылетит на свободу. Никто не знает, откуда роза черпает влагу, ведь у неё даже нет стебля. Говорят, что её питает неиссякаемая чаша страданий. Так или иначе, но красная роза никогда не увядает. И тот, кто хоть раз окажется под её тенью, становится бессмертным. Проблема в том, что добраться до розы можно только на спине горящего жирафа, только он один во всей Вселенной знает к ней путь. (*Громко.*) А ты спалил его, Пабло! Спалил так безжалостно и хладнокровно! Как теперь я достигну вечности?! Как, скажи как?! (*Кричит.*) Эх, Пабло, что ты наделал! Как ты мог?! Как ты мог?! (*Вскакивает на ноги и начинает метаться из стороны в сторону, размахивая руками и громко крича.*) Убийца, безжалостный убийца, вот кто ты!

Слышишь?! Слышишь меня?! Ты убил жирафа! Ты, ты, ты! Ты разрушил все мои надежды! Мне теперь не для чего жить!.. Жираф, милый мой, где же ты?! Жираф, мой любимый жираф!..

(Пикассо приподнимается и, согнувшись, испуганно убегает за кулисы, волоча за собой покрывало.)

Дали: Что мне теперь делать?! Как вернуть тебя?! Как?! *(Резко замолкает и начинает неистово рыдать, уронив лицо на ладони и содрогаясь всем телом.)*

Явление 5

(Дали перестал плакать и теперь стоит, не шевелясь и продолжая закрывать лицо. Входит жизнерадостный Гоген в кроличьей ушанке.)

Гоген: Приветствую тебя, Сальвадор! Какое сегодня прекрасное утро, не так ли?!

Дали *(рассеянно):* Как, уже утро?

Гоген: Эх, Сальвадор, так можно всю жизнь проспять.

Дали: Да нет, просто всю ночь мучили кошмары.

Гоген: А как тебе моя новая шляпа? А?

Дали: А где ты такую нашёл?

Гоген: Матисс подарил.

Дали: Представляешь, Пабло перепутал его с апельсином.

Гоген *(смеясь):* Да, милый мальчуган... А кстати, где он?

Дали: Наверное, играет со своими кубами. *(Кричит за кулисы.)* Пабло? Ты где? Иди к нам!

(Пикассо стремительно пронесится через сцену, уже снова в костюме, исчезая за противоположными кулисами; над его головой развевается простыня, как шарф танцовщицы.)

Гоген: Сальвадор, ты наконец-то перестал бояться выдвигаемых ящиков?

Дали: Да, я понял, что это бесполезно. Они всё равно не перестанут выдвигаться.

Гоген: Но ведь их можно закрыть на замки.

Дали: Что ты?! Я боюсь подойти к ним ближе, чем на десять шагов.

Гоген: А что в них?

Дали: Твои уши.

Гоген *(ощупывая ушанку):* Мои уши на месте.

Дали: А чьи же тогда живут в выдвигаемых ящиках?

Гоген: Не знаю. Может, спросим у Пабло?

Вместе: Пабло!

(Пикассо таким же образом пронесится в обратную сторону.)

Дали: Вот видишь, какие непредсказуемые эти ящики.

Гоген: Да. Пожалуй, ты прав, тут есть чего опасаться.

(Пикассо вновь делает попытку пробежать через сцену, но на этот раз Гоген ставит ему подножку; Пикассо падает на живот и замирает, вытянув вперёд руки; Гоген и Дали не замечают его.)

Дали (после паузы): А ты всё так же рисуешь странных людей с большими ртами?

Гоген: Да они не перестанут приходить ко мне, пока я не нарисую их всех.

Дали: Как мне это знакомо. У меня то же самое со слонами. Я даже пытался пририсовывать им длинные ноги.

Гоген: Ну и как, помогает?

Дали: Да нет, вряд ли. Только Пабло стал кричать по ночам. (Пауза.) Ты уже знаешь, что он умер сегодня утром? (Пикассо издаёт короткий смешок.)

Гоген: Как?! Бедный мальчик... А что с ним?

Дали: Матисс считает, что он отравился кубами. (Смех Пикассо.)

Гоген: А на самом деле?

Дали: Послушай, мне тяжело говорить об этом. Ты же знаешь, как я любил его. Дай мне побыть наедине с самим собой.

Гоген: Хорошо-хорошо. Я ведь только хотел узнать, как поживают твои выдвижные ящики.

(Уходит, пяясь и бормоча что-то невнятное.)

Дали (не замечая ничего вокруг, тихим голосом): О, мой бедный жираф! Как мне не хватает твоих тёплых пятен. Как мне одиноко без тебя посреди этой пустыни. Возвращайся ко мне. Возвращайся скорее. Я всё прощу тебе, сынок. Ты только возвращайся скорее, я очень скучаю... Возвращайся...

(Дали поворачивается спиной к залу и замирает, опустив голову и сцепив руки за спиной.)

Явление 6

Пикассо (продолжая лежать неподвижно): Папа, я вернулся!

Дали (резко оборачивается): Сынок, где ты?!

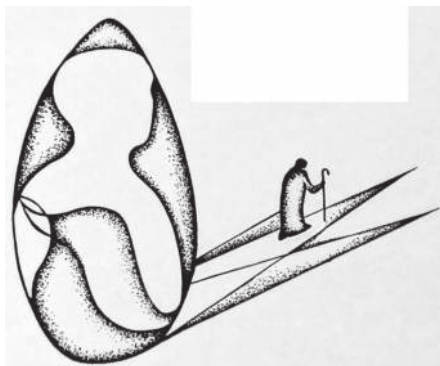
Пикассо: Я здесь, папа. Ты что, не узнаёшь меня?

Дали (ищет судорожно, озираясь по сторонам; говорит испуганно): Я никого не вижу... Где ты?.. Где?..

Пикассо: Да вот же я здесь, перед тобой! Неужели ты не простил меня, отец?

Дали: Где, где, где? (Мечется.) Где же он?! Я отчётливо слышу его голос! Голос моего сына, которого я ждал так долго. (Продолжает искать, причитая.)

Пикассо: Я побывал в аду, в его изумрудных водах, где плавают не прошедшие огонь покойники. Я претерпел невыразимые человеческим языком страдания. Я всё это время находился на краю смертельной пропасти.

И только желание вновь увидеть отца спасло меня. И что теперь, когда я наконец-то вернулся? Он даже не замечает меня!

Дали: Сынок, где ты?! Почему я не вижу тебя?! Что со мной?! *(Падает на колени лицом к залу и в ужасе закрывает лицо руками. Пикассо тихо поднимается и уходит за кулисы, накрыв Дали покрывалом.)*

Явление 7

(Входит Кандинский с картиной в руках и, робко озираясь, начинает звать Дали.)

Кандинский: Дон Сальвадор? Дон Сальвадор? Где вы?

Дали *(из-под покрывала)*: Я сейчас приду, Васенька, присаживайся и подожди меня.

(Кандинский оглядывает комнату в поисках стула и, не найдя его, садится на Дали, укрытого простынёй.)

Дали: Васенька, ты принёс что-нибудь новое?

Кандинский *(не замечая Дали под собой и говоря чуть громче, чем нужно, обращается за кулисы)*: Да, Дон Сальвадор, я нарисовал ещё один этюд. *(Разворачивает картину.)*

Дали: Превосходно, мальчик мой. Продолжай в том же духе.

Кандинский: Но, Дон Сальвадор, я так не могу больше. Ведь это уже двухтысячный! Разрешите мне, наконец, писать картины.

Дали *(задумчиво)*: Картины?.. Нет, Васенька, ещё рано.

(Кандинский тяжело вздыхает и прячет этюд обратно в свёрток.)

Дали: А что у тебя нового?

Кандинский: Сегодня я сварил очень хорошую розовую краску.

Дали *(удивлённо)*: Ты что, француз?

Кандинский: Нет, с чего вы взяли?

Дали: Но ты же только что сказал, что розовая французская девочка — твоя сестра.

Кандинский: Это та, у которой дырявый конь?

Дали: Нет, эта умерла сегодня утром. Ровно в шесть часов. А у твоей сестры нет никакого коня, Василь.

Кандинский: И то верно. Откуда у моей сестры розовый конь?!

Дали: Эх, Василь, мальчик мой, я тоже сначала не заметил пропажу своего жирафа. А потом... *(Неожиданно замолкает.)*

Кандинский *(после паузы)*: Что с вами, Дон Сальвадор? Почему вы молчите? Я вас чем-то обидел?.. Наверное, мне лучше зайти попозже. *(Встаёт и, робко озираясь, уходит, последние слова произносит уже стоя на пороге.)* До свидания, Дон Сальвадор.

(Через некоторое время Пикассо выходит из-за кулис и, сутуля спину и опустив голову, задумчиво пересекает сцену; проходя мимо Дали, он зацепляет простыню и уволаскивает её за собой; Дали по-прежнему неподвижно сидит на коленях.)

Явление 8

(Входит запыхавшийся Босх без парика и начинает осматриваться.)

Босх: Привет, Сальвадор. Это опять я. Сдаётся мне, что я оставил свой новый парик у тебя.

Дали *(вставая на ноги и оборачиваясь к Босху):* Зачем он тебе? Лучше садись и выпей с нами чашечку полуденного кофе. *(Хлопает в ладоши и кричит за кулисы.)* Каин, принесите нам, пожалуйста, кофе.

(Выходит Пикассо с двумя стульями, ставит их около художников и замирает в ожидании новых приказаний.)

Босх *(садясь, обращается к Дали):* Это твой новый метрдотель?

Дали *(тоже садится, Босху):* Да, я выписал его специально из России. *(Пикассо.)* Каин, вы не забыли про кофе?

Пикассо *(Дали):* Кофе ещё не готов. *(Удаляется за кулисы.)*

Босх: Ты знаешь, Сальвадор, моего нового зверя, которого я придумал вчера вечером, уже успели отлучить от церкви.

Дали: Наверное, он страдает?

Босх: Да не то чтобы очень. Он у меня терпеливый.

Дали: Ну, хорошо хоть не сожгли.

Босх *(задумчиво):* Да... Инквизиция...

Дали *(вскакивает, на мгновение пронзённый острой мыслью):* Жираф!..

Босх: Возможно.

Дали *(воодушевлённо):* Послушай, Иероним, а ты боишься высоты?

Босх *(вспоминая):* Да нет, вроде бы, а что?

Дали: Тогда тебя надо распять.

Босх: С какой целью?

Дали: Не знаю. А тебе что, самому не интересно?

Босх: Да нет. Можно было бы попробовать. А кто будет этим заниматься?

Дали: Я, если ты, конечно, не против... Ты только представь себе: ты один, один посреди чёрной бездны космоса, лежишь голой спиной на деревянном кресте. Сначала ты даже не замечаешь того, что движешься с огромной скоростью, но в тот момент, когда острие креста касается первых, верхних слоёв облаков, в тебе замирает дыхание от священной смеси ужаса и восторга. И вот ты понимаешь, что стремительно приближаешься к земле и скоро, уже совсем скоро разобьёшься вдребезги. И ты начинаешь судорожно хвататься за последние секунды жизни, жадно глотать разряженный воздух. Предгрозовое небо с его жёлто-чёрными красками никогда раньше не казалось тебе таким красивым, а просачивающийся сквозь щели между облаков солнечный свет ещё никогда раньше не был для тебя таким священным, хрупким и жизненно важным.

(Дальнейшие действия, происходящие на сцене, никак не отражаются на Сальвадоре Дали, погружённом в свой внутренний мир и говорящим горячо и непрерывно; на сцене появляется Пикассо, у него в руках парик Босха, как

только он подходит к Босху, он надевает ему на лысую голову парик, Босх тотчас встаёт и молча уходит из комнаты, а Пикассо удаляется в другую сторону за кулисы; рассказчик не замечает никаких перемен в окружающей обстановке.)

Горные хребты под тобой уже так близко. Ты понимаешь, что лучше закрыть глаза, чтобы не видеть неминуемости их приближения, но ты не в силах сделать этого; ужас сковывает твоё тело, намертво пригвоздив его к холодным доскам креста. И вот ты, как нож, с яростью брошенный Богом в гнев на людей, вонзаешься в тело планеты, содрогая её всю громом острой боли! Невидимые волны, рождённые тобой в этот момент, будут скитаться по Земле два тысячелетия, настраивая людские души в тон твоего звучания... А на том месте, где ты упал, образуется маленькое тёмно-синее озеро, в котором будет отражаться небо. Рыбаки выпустят в него свои лодки, на его берегах возникнут небольшие деревушки, жители которых даже не будут знать о том, что ты живёшь в нём и внимательно, с трепетом и любовью, следишь за каждым их шагом... *(После небольшой паузы Дали вскидывает руки.)* Теперь ты понимаешь, что значит быть распятым?! *(Замолкает, опустив руки и голову.)*

Явление 9

(Входят застенчивые Кандинский и Дерен; последний, согнувшись, несёт на спине тяжёлый круглый стол на длинной резной ножке, в руках у него стул.)

Кандинский: Здравствуйте, дон Сальвадор. Мой друг — месье Дерен — начинающий художник, он давно мечтал познакомиться с вами. И вот мы решили воспользоваться вашим гостеприимством.

Дали *(повернувшись к молодым людям):* Прошу вас, проходите.
(Кандинский и Дерен подходят к Дали; Дерен ставит стул между двух уже стоящих на сцене стульев и стол впереди них; садятся слева направо: Кандинский, Дерен, потом Дали; к ним из-за кулис выходит Пикассо с подносом, на котором стоят три чашки кофе; с отведённой назад рукой и выпрямленной спиной он очень походит на официанта.)

Пикассо: Господа, ваш кофе. *(Ставит чашки на стол.)*

Дали: Наконец-то, Каин. Он уже, наверное, остыл.

(Пикассо гордо отворачивается и уходит.)

Дерен: Дон Сальвадор, знакомство с вами... Вы не представляете, как я счастлив.

Дали: Бросьте, я такой же человек, как и вы.

Кандинский *(Дали):* Я сказал моему другу, что приходите в гости с пустыми руками — невежливо, и он захватил свой единственный стол.

Дерен: О да, этот стол — наша фамильная реликвия, он передаётся по наследству. Я ни на шаг не отхожу от него.

Дали: Вы что же, носите его с собой?

Дерен: А что делать?

Кандинский: Однажды он даже пришёл с ним в Россию.

Дали (*Дерену*): О, вы были в России? С какой целью, если не секрет?

Дерен: Я отвёзил одну свою картину в Эрмитаж.

Кандинский: Да, там мы и познакомились.

Дали: Судя по рассказам Васеньки, это очень интересная страна... А что за картина?

Дерен (*смущённо*): Да так...одна...

Кандинский (*вмешиваясь*): О, дон Сальвадор, это прекрасная картина! Она называется «Девушка в чёрном». За спиной Девушки — целая бездна, голубая пропасть без времени и жизни. Это великолепно!

Дали: Спасибо, я предпочитаю пустыню.

Кандинский: А что такое пустыня? В России их нет.

Дали: Поэтому, Васенька, ты до сих пор рисуешь этюды.

Кандинский: Но ведь во Франции тоже нет пустыни?

Дали: Во Франции есть бездна, Васенька. (*После неловкой паузы.*) А вам не кажется, что не хватает мальчика-тени?

Кандинский и Дерен (*вместе*): Да!

Дали (*хлопнув в ладоши, кричит за кулисы*): Сальери! Мальчик мой, иди к нам! (*Выходит Пикассо, встаёт чуть справа от сидящих полубоком, спиной к залу и смотрит на воображаемое солнце, застывшее в зените высоко над столиком, уперев руки в бока и отставив правую ногу.*)

Пикассо (*вдоволь насмотревшись на солнце, обращается к Дали*): Уважаемый Моцарт, а вам не кажется, что вы забываетесь?

Кандинский (*вскакивает со стула, вставая рядом с Пикассо*): Да, это уж слишком! То, что в нас нет горячего песка или, там, бездны, ещё ничего не значит!

Пикассо: Моцарт, твоя пустыня ещё встанет тебе поперёк горла реквиемом, попомни мои слова!

Кандинский: А ты, Андре?! Ещё друг, называется! Как ты мог?!

Дали: Но ведь мы растили в себе пустыни целых двести лет! Разве мы не заслужили всеобщего признания?!

Кандинский: Эх! О чём с ними говорить?! (*Пикассо.*) Сальери, ты положил им в кофе яд?

Пикассо: Да, вон в ту чашу. (*Показывает на чашку Кандинского.*)

Кандинский (*поперхнувшись, тоном тише и взволнованно*): Мне... нужно выйти... (*Полубегом уходит из комнаты.*)

Дерен (*после паузы*): Вы знаете, я, пожалуй, тоже пойду. (*Вставая, Дали.*) Очень рад знакомству!

Дали (*вставая*): Я тоже. Заходите ещё. Двери моего дома всегда открыты для вас.

(*Дерен вскидывает стол на спину — при этом Пикассо забирает чашки — и, взяв свой стул, направляется к выходу.*)

Пикассо: Я провожу вас. (*Уходит вслед за Дереном.*)

Явление 10

(Возвращается Пикассо уже без чашек; Дали стоит спиной к залу, оперевшись рукой на правый стул; Пикассо встаёт в той же позе слева от другого стула; они разговаривают спокойно и негромко.)

Дали: Наконец-то мы остались вдвоём.

Пикассо: Да, Сальвадор... Сразу стало так тихо, когда все ушли.

Дали: Нам, художникам, надо ловить такие моменты.

Пикассо: Ты как всегда прав... В эти минуты можно услышать пульс своей души.

Дали: Да. *(Длинная пауза; слушают.)*

Дали: Что осталось после войны?.. Плачущая шляпа — вот и всё.

Пикассо: А рисованная летучая мышь?

Дали: Да, и она тоже.

Пикассо: Я понимаю тебя, этого мало.

Дали: А обрубленные ветви?! Что ты скажешь на это?! Пабло, это же ужасно!

Пикассо: Только для тех, для кого путь крови единственный. Но мы-то с тобой идём по пути духа.

Дали: Всё равно. В тебе говорят кубы. А я видел эту жёлтую тарелку. Видел, понимаешь?! Сам, вот так, как тебя сейчас, своими глазами!

Пикассо: Тише, Сальвадор, спугнёшь летучую мышь.

Дали: Это упырь.

Пикассо: Ну хорошо — рисовый упырь, если тебе так больше нравится.

Дали: Я сам писал его портрет.

Пикассо: Да? Ну и как он? Такой же неврастеничный, как о нём говорят?

Дали: Не знаю, я успел заметить только усы.

Пикассо: Да-а... А всё-таки странно, он такой пустой человек, а смог нагнать в твою пустыню столько грозных облаков.

Дали: Причём очень серых и неприятных.

Пикассо: Как он сам.

Дали: Да.

Пикассо: Но зато теперь в твоей пустыне будет вода. Разве ты не рад?

Дали: Я уже говорил, моя пустыня вся из воды. А эта — другая. Она — конденсат крови. Она — чьи-то слёзы, понимаешь. Мне неприятно носить её в себе. Моя вода не такая. Она изумрудная, тёплая. А эта — серая, тугая, да ещё и холодная.

Пикассо: Как он?

Дали: Да, как он, или как труп.

Пикассо: А тебе никогда не

приходило в голову, что он и есть труп. Труп, которого дёргал за невидимые ниточки сам дьявол?

Дали: Ты прав, Пабло! Ты абсолютно прав! Живой человек не смог бы такого наделать, просто не хватило бы смелости и фантазии. А в его действиях — размах всего зла.

Пикассо: Да, Сальвадор, да. Именно — всего. Как попытка полностью захватить власть над планетой.

Дали: Но ведь ничего не вышло?!

Пикассо: А знаешь, почему?

Дали: Расскажи.

Пикассо: Мир спасли наши пустыни, спасли, сами того не ведая. Зло падает в них как в колодцы, превращаясь там в скорбь, бьётся, кипит, борется и, наконец, вырывается на свободу, но уже с радостью, светом, пусть даже с примесью печали, скорби, пусть даже целиком из них, но уже светлой печали и доброй скорби.

Дали: А что, если бы нас не хватило, наших резервуаров? Ведь наша армия не бесчисленна и мы не бездонны?

Пикассо: Тогда — сам понимаешь, что...

Дали: Да, будем считать, что на этот раз повезло.

Пикассо: Именно — повезло. Судьбу лучше не искушать. Тем более, что в следующий раз их силы будут больше.

Дали: Как только подумаю, что на свет явится ещё более холодный труп, чем этот рисовый упырь, даже мурашки по коже.

Пикассо: Ох уж эти кровососы... Фу. Мерзко... *(Стоят молча.)*

Явление 11

(В комнату шумно вваливается оранжевый Матисс, по-прежнему танцуя;

Пикассо и Дали оборачиваются к нему.)

Матисс: Ха-ха! Унылые художники, а известно ли вам, чем заканчиваются страдания?

Пикассо: Радостью, Матисс, радостью. Собственно, моменты завершения — наши любимые минуты в жизни. *(Дали.)* Ведь так, Сальвадор?

Дали: Абсолютно верно.

Матисс: Хорошо, вижу, вы люди образованные, вас не так просто поставить в тупик. А чем заканчивается напряжение?

Дали: Разрешением, рождением, если угодно.

Матисс: Значит, рождение несёт радость?

Пикассо: Получается так.

Матисс: А из чего выходит рождение, кто рождает?

Пикассо: Мать, кто ещё?

Матисс: Правильно... А теперь проведём обратную параллель. Что мы получаем? В матери все страдания, более того, она суть сами страдания... Вот так.

Пикассо: Матисс, ты иногда рождаешь перлы.

Матисс: Хочешь сказать, что я — страдание?

Дали: Следуя этим рассуждениям, суть всех художников — это страдание. И как раз степень страдания и определяет творческую продуктивность.

Матисс: Нет, Сальвадор, творческую продуктивность определяет частота радостных минут, минут рождения, а глубина страдания прямо пропорциональна силе творчества.

Пикассо: Чем сильнее оттянуть тетиву лука, тем выше полетит выпущенная стрела. Выходит, так?

Матисс: Именно. Пабло — ты гений.

Пикассо: Я знаю.

Дали: Постойте. Давайте вернёмся к теме материнства души. Получается, что в нас — художниках — сильно увеличено созидательное женское начало, а наша Душа — как Мария, скорбящая над ещё не родившимся сыном, предчувствуя его распятие.

Пикассо: Да, в наших душах сплавляются вместе красота, страдания и любовь — черты Марии.

Дали: Пабло, ты знаешь — я люблю одну прекрасную девушку. Её зовут Галатея.

Пикассо: Очень красивое имя. А кто она?

Дали: Сам не знаю: Исида, Мария, Галатея — она во всём, везде, она была всегда. А теперь я понимаю, что она в первую очередь в моей душе.

Матисс: Сантименты.

Пикассо (*Матиссу*): Да тише ты!

Матисс: Пабло, я ещё понимаю, Сальвадор — человек уже в годах. А ты?! У тебя же куб вместо головы! Где твоя знаменитая логика? Эх, Пабло, Пабло. Ты меня пугаешь.

Пикассо (*Дали*): Давай прогоним Матисса.

Дали (*Пикассо*): Давай.

Матисс: Уже ухожу. (*Уходит, схватив стулья и весело танцует с ними.*)

Пикассо: Ну, теперь хоть поговорить можно.

Дали: Да, ворвался, как вихрь.

Пикассо: Так о чём это ты? Продолжай.

Дали: Я говорю, что мы любим так сильно и привязываемся так крепко, потому что не видим никакой разницы между любимой женщиной во внешнем мире и своей душой внутри себя, которой мы благодарны за своё рождение, и детьми которой мы являемся. Мы — как части, оторванные от того, что нас родило на свет, стремимся обратно к нему, притягиваемые сильнейшим магнитом. И если мы вдруг в какой-нибудь женщине находим отражение своей души, то так же сильно привязываемся к ней. И ничто на свете, никакое состояние реальности, не способно разорвать эту связь, ведь с нами сверх реальность, то, что вечно, то, что было и будет всегда: любовь

и материнство. А когда мы теряем нашу любовь, то становимся как младенцы, отрезанные от пуповины и брошенные на снег: голодные любовью и замерзающие без её тепла. Тогда наше горе смертельно! И спасение только в одном: в уходе внутрь себя, обратно к своей душе, в обрыве внешней иллюзорной связи... Спасение в творчестве!.. В непрерывном разрешении страданий радостью, порождающей произведения нашего искусства, искусства быть открытым дыханию Бога, оплодотворяющему нас, нисходящему на нас живительной росой Святого Духа.

Пикассо: Но есть ещё одна грань творчества. Это непрерывное исправление разрушенного. И творчество материнства только средство для этого исправления... Вперёд — яйцо, потом — курица... Вспомни Писание, Сальвадор: как только у Адама вырвали ребро, отобрав Еву, он стал жить, творить, действовать, занятый только одной мыслью: вернуть всё на свои места, чтобы они с Евой вновь стали единым целым, вновь умерли в полной достаточности любовного соединения. Да, путь разрушения — естественен, но путь созидания — сверхъестественен, он требует усилий, но только он ведёт к великой цели и отражает истинное желание. Если у тебя есть что-то, чего тебе не хватает, то, что ты потерял когда-то, то ты, Сальвадор, должен понять меня.

Дали (*pronзённый острой мыслью*): Да! Есть!.. Мой Жираф!.. (*Отрывается и кричит.*) Пабло, ты спалил моего жирафа!.. Ты, ты, ты! Это сделал ты!.. (*Пикассо, вскрикнув, убегает прочь.*) Что мне делать?! Как мне вернуть его?! (*Пауза; говорит уже без истерики.*) Так значит, я творю только потому, что потерял своего любимого жирафа. И каждое моё действие, каждая моя картина — это шаг на пути к тому моменту, когда мы вновь будем с ним вместе... И все эти люди... Я придумал их только для того, чтобы быть с тобой, милый жираф... Я буду творить с ещё большим усердием, клянусь тебе! Чтобы мы как можно скорее были вместе. Я посвящу всю свою жизнь творчеству! Я буду использовать каждую минуту, чтобы писать, писать непрерывно, всё новые и новые картины, по крупице собирая тебя из ничего, как мозаику! Я клянусь, что каждая моя последующая работа будет всё яснее и яснее выкристаллизовывать твой лик, пока ты, наконец, вновь не предстанешь передо мной, такой же тёплый, пятнистый, ласковый, каким я помню тебя. Клянусь тебе, клянусь, клянусь!!! (*Смыкает на лбу треугольник из ладоней и вытягивает руки вверх, разводя их в стороны и описывая вниз ими два полукруга; потом говорит почти шёпотом.*) Жди меня, мой милый жираф... Я уже близко... Жди... Я иду к тебе... (*Опускает голову.*)

(Гаснет свет; только слегка озаряется лицо Сальвадора Дали; занавес.)

ДЕЙСТВИЕ 2

(Сцена оформлена под картину Дали «Тайная вечеря» с точностью до малейших деталей; апостолы расположены следующим образом: по левую руку от

Учителя Варфоломей, затем Симон, Андрей, Филипп и Фома; по правую руку — Пётр, Иоанн, Матфей, Леввей, и, наконец, Иуда; напротив Учителя расположились по правую руку: Иаков I (Алфеев), по левую — Иаков II (Заведеев). На протяжении всего действия апостолы остаются совершенно неподвижными в тех позах, которые изображены на картине Дали; свободно двигаются только Учитель и сам Сальвадор.)

(В комнату входит Сальвадор Дали и встаёт спиной к залу напротив Учителя, так, чтобы не загоразживать его и Апостолов; на этом месте он будет стоять до самого конца действия.)

Дали (без паузы): Я прервал плоскость своего жирафа!

Учитель (после небольшой паузы): Интересно... И как же зовут тебя, смелый юноша?

Дали: Сальвадор Дали, известный испанский художник.

Учитель: И чем же ты известен?

Дали: Тем, что прервал плоскость своего жирафа.

Учитель (после небольшой паузы): И теперь ты скрываешься от людей?

Дали: Да, я боюсь, что Пабло спалит меня однажды ночью.

Учитель: Кто же этот страшный Пабло?

Дали (озирается, потом показывает пальцем на Иуду и восклицает): Да вот же он!

Учитель (удивлённо): Нет, это Иуда, один из нас.

Дали: Странно, такое внешнее сходство.

Учитель (Иуде): Иуда, скажи, у тебя есть брат?

Иуда: Да, Учитель, но его зовут Фома. Он живёт по ту сторону грани.

Учитель (Дали): Сейчас проверим. (Фоме.) Фома, а у тебя есть брат?

Фома: О да, Учитель. Но я давно его не видел. Он живёт по ту сторону грани. Ты должен знать его, его зовут Иуда.

Учитель (Фоме): Спасибо, Фома. (Дали.) Вот видишь, всё сходится.

Дали: Да, действительно. Наверное, Пабло не существует.

Учитель: Ну конечно. Он просто ещё не рождён.

Дали: А мой жираф?

Учитель: Спроси лучше у Симона. Он знает всё о животных.

Дали: Откуда?

Учитель: Он сейчас в их мире. (Симону.) Симон?

Симон: Слушаю тебя, Учитель.

Учитель: Сосредоточь своё внимание на жирафе. Видишь его?

Симон (после небольшой паузы): Да. Он весело скачет по полям пшеницы.

Дали (взволнованно Симону): С ним всё в порядке?

Симон: Вроде бы... Но вы не сказали, что это огненный жираф. А я отчётливо вижу оранжевые всполохи на его гриве.

Дали: Раньше он был обыкновенным. Но Пабло спалил его.

Учитель (Дали): Сальвадор, ты должен сказать спасибо этому человеку.

Теперь твоего жирафа ждёт большое будущее... Но давай спросим у Петра всё поподробнее. Он у нас специалист по огненным существам. *(Петру.)* Пётр, возможны в твоём мире жирафы?

Пётр: Вообще — нет. Мой мир — мир огненных растений. Но, Учитель, я могу ошибаться, ты же знаешь, что я не вижу формы. Спроси лучше Варфоломея, он сам — дерево.

Учитель *(Варфоломею):* Варфоломей?

Варфоломей: Да, Учитель.

Учитель: Скажи нам, Варфоломей, могут ли животные проникать в огненный мир?

Варфоломей: Нет, это исключено. Их сущность — Вода, а ей не место среди Огня.

Учитель: Но чем ты тогда можешь объяснить феномен огненного жирафа?

Варфоломей: У меня два варианта: либо он на самом деле растение, проявленное в животном мире, либо же он сам животное, а огонь снизошёл на него. Я склоняюсь к тому, что кто-то всё-таки сознательно послал на него огонь.

Учитель: Но это означает, что этот самый Пабло — уровнем не ниже твоего.

Варфоломей: А мы ничего не слышали о нём раньше. *(Дали.)* Кто он такой, Сальвадор? Расскажи нам поподробнее, это может оказаться очень важным.

Дали *(Учителю):* Пабло — очень хороший французский художник. Но у него есть один серьёзный недостаток: он всё время очень хочет отравить меня кубами... И, честно говоря, я боюсь его, в его действиях есть какой-то злой умысел. Сначала он спалил моего жирафа. Но, я думаю, это лишь звено в цепи его поступков, на самом деле он неотвратимо подбирается ко мне... Я боюсь его, Учитель!..

Учитель: Ну, здесь тебе нечего бояться, Сальвадор. Пока ты с нами, ты в полной безопасности... Гораздо важнее другое, похоже, мы вышли на след очень сильного служителя дьявола.

Дали: Но я думал, что воплощения дьявола — это они. *(Показывает на Апостолов, сидящих по левую руку от Учителя.)*

Учитель: Нет, что ты. Эти люди — чёрные Апостолы, они одни из нас.

Дали: Но ведь они разрушительны.

Учитель: Да, но это разрушение ведёт к их чистоте. Для того чтобы отыскать алмаз, нужно сначала разбить весь уголь, который, как панцирь, скрывает его. А вот дьявол и существа, служащие ему, как раз и занимаются выращиванием этого угля. Собственно, с этой стороны в них куда больше созидания, чем в Чёрных Апостолах.

Дали: А чем ещё занимаются эти Апостолы?

Учитель: Спроси у них. Каждый занят своим делом, которое лишь ступень к их общей цели: скинуть с себя всю грязь, мешающую светить Звёздам, таящимся внутри них. Их разрушение есть ни что иное, как очищение.

Дали: Они так сосредоточенны, что мне даже неудобно беспокоить их.

Учитель: Не бойся. Они будут рады заманить тебя на свой путь, пока ты ещё стоишь на развилке двух дорог. (Фоме.) Фома, расскажи Сальвадору о том, чем ты сейчас занимаешься.

Фома: С удовольствием, Учитель... Собственно, я тоже ещё не начал своё движение, но уже выбрал для себя путь, по которому мне предстоит приближаться к Учителю и затем к Богу... Сейчас я пытаюсь при помощи разума проникнуть в смысл слов Учителя и понять те механизмы, которые управляют Вселенной, вывести для себя свод элементарных процессов, на которых держится всё в этом мире. В данный же момент я изучаю феномен смерти, Учитель предложил мне начать с этого.

Филипп: А я уже понял для себя, что смертью заканчивается всё, что несёт заряд жизни или движения, и теперь мне остаётся только ловить эту множественность смерти своим сердцем. Учитель сказал, что разум мне больше не понадобится, как часть моей личности, о которой придётся забыть навсегда, он предложил мне пользоваться неким сплавом сердца с сознанием. И вот я сейчас сижу и вслушиваюсь в пульсацию крови у висков.

Андрей: Что касается меня, то я ещё не переступил грань сверхъестественного, но вторая реальность уже зовёт меня. Я погружаюсь в изумрудные воды Мира Смерти. Скоро я достигну его дна и встану на раскалённый песок. Передо мной будет бескрайняя пустыня, укрытая чёрно-коричневым небом, лишённым звёзд, и я буду там один, совсем один.

Дали (взволнованно): Да! Жить в пустыне — мечта моего детства! И эта мечта сбылась. Я тоже жил в пустыне. Только моя пустыня была залита ярким полуденным солнцем. Хотя это делало её ещё более ужасной. И она тоже была заполнена водой. Я всегда говорил это. Но Гоген не верил мне. Никогда. Ни при каких условиях. (Андрею.) Почему?

Андрей: Никто не верит.

Дали: Нет, Поль не такой как все. Он особенный. Понимаете, у него даже есть уши. Очень большие.

Учитель: Как у слонов?

Дали (Учителю): Нет, у слонов — длинные ноги. А у Гогена — именно уши. Поэтому мне так неприятно его недоверие. Правда, может быть, он думал, что вода в моей пустыне спрятана в выдвижных ящиках, но не хотел лишний раз упоминать о них при мне. Он ведь знал, как я боюсь их. Но тогда непонятно, зачем он советовал закрыть ящики на замки, ведь тогда бы я перестал писать картины.

Учитель: Может, его подослал этот Пабло?

Дали: Н-нет. Не думаю... Скорее, уж Матисс... (Показывая на Симона.) Да вот же он сам! Эй, Анри, а ты как здесь оказался?!

Учитель: Нет, Сальвадор, ты что-то путаешь. Это — Симон, один из нас.

Дали: Но ведь он такой же оранжевый, как и Матисс.

Учитель: А этот Матисс был оранжевым?

Дали: Ещё каким оранжевым! Мой сынок — Пабло — даже однажды перепутал его с апельсином.

Учитель: Пабло — твой сын?!

Дали: В некотором роде. Не больше, чем я — твой.

Учитель: И как он относился к цвету Матисса?

Дали: Не знаю. Пожалуй, он привлекал его. Дети же любят всё яркое... А почему ты спрашиваешь?

Учитель: Видишь ли, Сальвадор, зная, какой цвет предпочитал этот Пабло: голубой или оранжевый, мы сможем установить, к созидательной или разрушительной стороне зла он относится. Это очень важно. Обладая

такой информацией, мы будем знать, как он будет действовать: или же затуманивать наши глаза иллюзией материальных благ, незаметно останавливая наше движение, или он просто накинется на нас и попытается лишить жизни.

Дали: Я не могу быть уверенным, что ему нравился именно оранжевый цвет. Мне кажется, если бы он увидел синего Матисса, это привлекло бы его не меньше... Да. Именно. Я сейчас вспоминаю, Пабло любил играть с разноцветными кубами.

Учитель (улыбаясь): Не хочешь ли ты сказать, что перед нами сам дьявол?

Дали: Ох, уж не знаю, Учитель. Если бы ты видел, как жестоко и хладнокровно он спалил жирафа. А его взгляд!.. Он был таким же пугающе мёртвым, как у усатого рисового упыря.

Учитель: Ну, не переживай так, Сальвадор. Здесь ты в безопасности. Не вспоминай прошлое. Это самое бесполезное и неприятное из занятий. (Симону.) Симон, развесели Сальвадора. Расскажи ему про животных, которых ты видишь. (Дали.) Знаешь, Сальвадор, в его мире есть такие, что я иногда сам удивляюсь.

Симон: Минуту назад ко мне заходили слоны-лебеди, их была целая стая. Они сами не знали, кто же они на самом деле, и постоянно путались, то ли им стоять на головах, а то ли плавать под водой кверху животами. Было очень забавно смотреть на их замешательство.

Дали (Симону): Но ведь это мои слоны! То есть лебеди. Нет. Деревья... В общем, все эти животные вышли из моей пустыни.

Симон (дружески): Сальвадор, ты бы сначала подумал, перед тем как выпустать их разгуливать на свободе. Перепугают же всех. Ладно, я — привыкший видеть и не такое, а простые люди?..

Дали: Симон, твой мир — действительно полон животных?

Симон: Да, и это очень интересно.

Дали: И ты что же, теперь всегда будешь жить среди них?

Симон: Нет, это только временно, около полутора лет или чуть больше.

Дали: А потом?

Симон: А потом я попаду в мир растений. Но если ты хочешь узнать об этом мире, то спроси у Варфоломея. Я могу пока ещё только мечтать о его ароматных соснах.

Дали: Симон, ещё один вопрос. Почему ты одеваешься так же, как Матисс?

Симон: Ты имеешь в виду, почему я в оранжевом плаще? Так это просто. На той ступени, где нахожусь сейчас я, окончательно определяется, по какому пути пойдёт человек. Цвет моего пути — оранжевый. Учитель уже говорил тебе об этом.

Дали: Значит, Матисс тоже идёт по твоему пути?

Симон: Нет, он ещё не рождён. Видишь, его нет среди нас. Но если бы он двигался, то, наверняка, выбрал бы путь разрушения и перестал писать картины. Но не мой путь. Мой путь — только мой путь, и никого больше. Он не может пойти по нему при всём желании только потому, что он — Матисс, а не Симон. Нет двух одинаковых путей, как нет и двух одинаковых людей. И каждый человек движется только по своему пути... Если вообще движется, конечно.

Дали: Но как мне узнать какой путь — мой?

Симон: Не думай об этом. Путь сам найдёт тебя. Гораздо сложнее начать движение. Но если ты всё-таки смог это сделать, то просто будь естественен, будь самим собой и непременно выйдешь на свой путь.

Дали: Но я не хочу бродить через чащи в поисках единственной тропинки. Есть какой-нибудь способ сразу найти свой путь?

Симон: Только один: будь собой. Чем раньше и точнее ты распознаешь себя, тем быстрее найдёшь свой путь... И вообще, по-моему, побродить по непроходимой чаще — одно только удовольствие. Посмотри на Учителя: больше всего на свете он любит свой терновый венец и свою чашу.

Дали: Это правда, Учитель?

Учитель: Истинно. (*Улыбаясь.*) Варфоломею в его мире растений, наверное, ещё более близок терн. Не так ли, Варфоломей?

Варфоломей: Не совсем, Учитель. Мой мир полон сосен. Они стоят на берегу моря, гордо выпрямив спины, и смотрят вдаль, в эту синюю беспредельность.

Учитель: Как?! Вода в твоём мире?!

Варфоломей: Это огненное море, Учитель.

Учитель: И в нём живут огненные рыбы?

Варфоломей: В моём мире нет животных. Там не рыбы, но пылающие водоросли.

Учитель: Это, должно быть, очень красиво?

Варфоломей: Очень. Очень красиво, Учитель. Это как жёлтый огонь, горящий под водой. А на море полный штиль, и оно всё пылает изнутри.

Учитель: Не искушай меня, Варфоломей. Мне снова захотелось вернуться туда. Но, к счастью, это невозможно... (Дали.) Ну что, Сальвадор, ты составил себе впечатление о Чёрных Апостолах?

Дали: О да, Учитель. Я так много узнал... (Неожиданно изменившись до неузнаваемости; кричит Учителю — отрывисто, чужим голосом, размахисто жестикулируя.) И я скоро доберусь до тебя! Скоро, очень скоро! Доберусь до вас до всех! Я уже вижу четырнадцать крестов, стоящих посреди пустыни! И на трёх, что впереди остальных, висишь ты, этот художник и его жираф! А ветер срывает с земли камни и с яростью швыряет их прямо в ваши окровавленные тела!.. Ну что, Сальвадор, я вижу, ты пришёл к ним! Как?! Уже смирился с утратой жирафа?! Он был таким беззащитным, когда я поливал его бензином! А когда он заметил в моих руках спичку! Ты бы видел его глаза! В них было столько ужаса и мольбы! Он просил меня не убивать его! Он умолял, стоя на коленях! Но это ещё больше веселило меня! Я смеялся! Я хохотал ему в лицо! А потом взял и поджёл! Как он горел! Ты бы видел, как он горел! Как он метался, изнывая от ужасной боли! А я хохотал! Мне было так приятно смотреть, как он стораёт заживо! (Разражается дьявольским смехом, потом резко замолкает, и перед нами снова Сальвадор Дали, он хватается за голову, стонет от боли, падает на колени и начинает рыдать, постепенно затихая.)

Учитель (после паузы): Успокойся, Сальвадор... Всё уже закончилось... Он ушёл... Он больше не обидит тебя... (Апостолам.) Похоже, мы недооценили этого Пабло. Он настолько силён, что смог совершенно для нас неожиданно прорвать защиту и овладеть Сальвадором. Нелепая мысль, но это действительно похоже на руку самого дьявола.

Дали (ещё не придя в себя): Рисовый... упырь...

Учитель: Как ты сказал? Упырь?.. Значит, это был не Пабло?

Дали (поднимаясь): Не знаю. Это был рисовый упырь, который говорил голосом Пабло. Но я не видел его.

Учитель: Откуда же ты тогда знаешь, что это был упырь?

Дали: Я почувствовал, что он влетел в мою голову.

Симон (перебивая): Я вижу его, Учитель. Это действительно чёрный упырь. Он удаляется, летя над полем пшеницы. Скоро он совсем скроется из виду.

Варфоломей: Я тоже его вижу. У него в лапах горящая спичка. Вот он разжимает когти. Спичка падает. И поле вспыхивает! О Боже! Оно всё горит! Оно вспыхнуло моментально! Во мне всё горит, Учитель! Он поджёл меня!

Дали: А как же жираф?!

Варфоломей: Он тоже здесь! Он мечется! Он скачет прямо по огню! Он загорелся! Бедный жираф! Его ноги подкашиваются! Он упал!

Дали: Мой жираф! Он умер, Варфоломей?! Скажи мне, он умер?!

Варфоломей (испуганно): Учитель, я весь горю! (Дали и Варфоломей перебивают друг друга.)

Дали: Жираф! Мой жираф!

Варфоломей: Помоги мне, Учитель! Моё сердце пылает!

Дали: Он спалил тебя! Это сделал Пабло! Жираф! Упырь спалил тебя!

Варфоломей: Мне тяжело дышать, Учитель! Я задыхаюсь!.. Этот дым!.. Он такой едкий!..

Дали: Заживо!..

Варфоломей: Копоть шерсти жирафа!.. Она душит меня!.. Душит!.. (Начинает задыхаться.)

Дали: Боже мой! Как он жесток!.. Он спалил тебя!.. (Учитель кладёт левую руку на затылок Варфоломея, и тот затихает моментально; Дали начинает постепенно успокаиваться.)

Дали: Он тогда спросил меня: «Хочешь яблоко, приятель?..» А я сказал: «В моей пустыне живёт красная роза...» Я любил его... Я любил моего Пабло, моего малыша... Но он умер так рано... Я не хотел это яблоко. Но он настоял, чтобы я съел его... Сынок. Где ты?.. Говорят, он возвращался однажды, но меня не было дома... Васенька, подожди, я скоро приду... Да, дон Сальвадор... Это мой друг — Дерен, начинающий художник... Спасибо, я предпочитаю пустыню... Что со мной? Где я, Учитель?!

Учитель: Ты один из нас, Сальвадор. Успокойся. Я потушил огонь. Всё уже позади.

Дали: Учитель, что это было?

Учитель: Он поджёт вас, тебя и Варфоломея. Он оказался сильнее, чем я думал. Он может спокойно прорывать нашу защиту. Это не способен делать ни один смертный. Только...

Пётр: Дьявол... Ты это хотел сказать, Учитель?

Учитель: Да. Только сам дьявол.

Пётр: Тебе не показалось странным, Учитель, что Симон и Варфоломей видели его одновременно. А это значит, что он в одно и то же время находился в Мире Огня и в Мире Воды. Человек этого не может. Как бы ни старался.

Учитель: Да. Только дьявол или Бог стоят над стихиями. Они вмещают их все сразу и, соответственно, могут проявлять себя во всех одновременно.

Пётр: А ты, Андрей, видел что-нибудь во время пожара?

Андрей: Да, но это была очень странная картина. Я видел мёртвого Сальвадора, лежащего на поверхности бескрайнего тёмно-изумрудного моря. Он был там один. В это море не было больше жизни, ни единой бактерии, ни одного насекомого, вообще никого. И его труп всё дальше и дальше уносило течение. Это было так непривычно, Учитель. Там совсем не было жизни.

Учитель: Это всё?

Андрей: Нет. Потом Сальвадор вспыхнул! В одно мгновение. Он рассыпался на оранжевые искры и стремительно взлетел в небо чем-то вроде треугольника. Это был такой контраст с безжизненно-зелёным морем, что я потерял внимание, и картина исчезла.

Дали: Не нравится мне это.

Учитель (улыбаясь): Почему, Сальвадор? В твоей жизни наконец-то начались настоящие события.

Дали: Напрямую связанные со смертью, Учитель?

Учитель: Конечно. Всё остальное — лишь половина события. Только смерть ведёт к изменению. А половина действия не ведёт ни к чему, кроме как к пустой трате драгоценного времени и энергии. Незаконченное действие имеет очень серьёзную способность создавать иллюзию собственной значимости, а на самом же деле оно лишь неудача, обволакивающая нас густой пеленой иллюзии. Бойся полумер, Сальвадор! Они тормозят движение.

Дали: А смерть?! Разве смерть — не покой?

Учитель: Нет. Смерть — это миг, миг, несущий изменение. Смерть текуча, она вокруг нас, она везде. И только она даёт импульс движению. На её непрекращающемся, вечном танце с рождением держится вся жизнь во Вселенной. Опасайся не смерти, Сальвадор, а нерождённости. В болоте нерождённости сейчас погибает человечество. Уже в который раз оно лишает себя жизни. И мы опять пытаемся его спасти, вытащить из вязкой тины под яркие лучи Солнца. Мы здесь, Сальвадор, для того, чтобы научить людей жизни... Кстати, ты хотел знать, в чём основное отличие Чёрных Апостолов от Белых. Так вот, первые считают это разрушение — разложение человечества — естественным и не будут мешать этому процессу. А вторые — видят смыслом жизни сверхъестественное восхождение и жертвуют собой для того, чтобы повернуть ход человеческой истории. Посмотри на цвет моих одежд, Сальвадор, я тоже здесь для этого. Моя миссия — дать человечеству импульс на две тысячи лет. Ни много, ни мало. Но за мной стоит сам Бог, а вместе с ним — вся энергия Вселенной! Так что я думаю, что справлюсь. Собственно, от меня требуется только быть открытым и достаточно чистым для того, чтобы явиться проводником этой энергии и воплотить в действие Божественную Волю и Божественное Слово... Ты узнал кое-что обо мне, Сальвадор, теперь самое время узнать побольше и об остальных шести Воинах Света... *(Иуде.)* Начнём с тебя, Иуда.

Иуда: Но Учитель, мне нечего добавить к тому, что сказал о себе Фома.

Леввей: Иуда прав, Учитель. Наши братья, Фома и Филипп, которые живут по ту сторону грани, уже всё сказали о своих состояниях.

Дали: Честно говоря, Леввей, я плохо понимаю одно: в чём разница между твоим состоянием и состоянием Иуды или же, например, Филиппа и Фомы?

Учитель: Я объясню тебе, Сальвадор. Фома и Иуда больше хотят уйти, а Филипп и Леввей — остаться с нами. Первых больше влечёт их прошлое, вторых — будущее.

Фома: Но, Учитель! Разве слабости невозможны? В небольшом количестве, разумеется. Так, чтобы снимать напряжение.

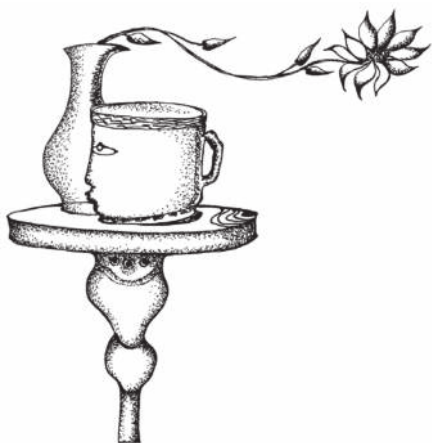
Учитель: Эх, Фома. Ты по-прежнему играешь с Богом? А это недопустимо. Он может играть с тобой, но не ты с ним... Бойся потерять место за нашим столом. Бойся покинуть нашу трапезу. За этими стенами мир полон разврата и убийств. Только здесь ты полностью защищён от них дыханием Бога, только здесь царят покой и любовь. Держись за своё место крепко, Фома. Помнишь, что сказал этот Пабло, когда захватил сознание Сальвадора? Он сказал, что видит четырнадцать крестов, и на двух из них, рядом со мной, жирафа и Сальвадора. *(Всем Апостолам.)* Чувствуете, к чему я клоню? Один из вас должен будет уйти. *(Волна предположений и удивлений прокатывается меж Апостолов; Учитель успокаивает их взмахом рук.)* Вам известно, что перешедшие грань уже не предадут меня даже при всём желании. Они могут перестать быть Апостолами, только умерев. Поэтому, Симон, Иоанн, Варфоломей и Пётр, я предупреждаю вас: берегите свои жизни сейчас трепетнее, как никогда раньше. Что же касается остальных, а особенно Фому, Иуду, Филиппа и Леввея, то бойтесь предать меня. Это навсегда отречёт вас от Бога. И лучше бы вам тогда умереть. Ибо для предавшего меня даже пламя Ада будет жарче в сотни раз, а гнев Отца моего — сильнее в тысячи, и рука его карающая будет жёстче камня... *(Почти шёпотом.)* Бойтесь предать меня... Я беспокоюсь о ваших жизнях... Для вас будет лучше быть со мной до конца... Потому что в конце нас ждёт полное растворение в Боге, то, ради чего мы и рождены на этот свет. И никакие страдания на пути не смогут омрачить той величайшей радости, которую мы испытаем, дойдя до конца.

Дали *(после паузы):* Учитель, ты что, действительно веришь в то, что жираф заслужит честь быть распятым рядом с тобой?

Учитель: Я знаю, что эту честь заслужишь ты, а значит — и твой жираф будет висеть рядом со мной, а твоя пустыня будет держать на своих плечах наши кресты.

Дали: Но, Учитель, я буду чувствовать себя вором, вися рядом с собой, оттого что я забрал чьё-то право быть здесь.

Учитель *(улыбаясь):* Не думай об этом раньше времени, Сальвадор. Никто так просто не отдаст тебе своё место. За него ещё надо побороться.

Матфей: Учитель, как только ты заговорил о распятии, я стал слышать чей-то тонкий голос. Но он звучит так тихо, что я не могу разобрать слов.

Учитель: Постарайся сосредоточиться, Матфей.

Матфей: Мне сложно, Учитель. Если бы я знал, как выглядит его обладатель, это облегчило бы мне задачу.

Учитель: Андрей, помоги ему.

Андрей: Хорошо, Учитель. Я попробую. *(После небольшой паузы.)* Да, я вижу его. Вот он выныривает из того же моря, в котором был Сальвадор. Это какой-то зверь. Очень странный. То ли рыба, то ли человек. И ещё — у него крылья. Он широко раскрывает рот, наверное, хочет что-то сказать. Или задыхается.

Матфей: Я стал слышать его, Учитель... Спасибо, Андрей, дальше я справлюсь сам... Он говорит, что его хозяин в опасности. И он просит нас о помощи.

Учитель: Узнай у этого существа, как зовут его хозяина.

Матфей: Он говорит, что Сальвадор должен знать... Времени нет. Они сначала отлучили их от церкви, а теперь собираются распять.

Дали: Да это же новый зверь Босха!.. Иероним в опасности?!

Учитель: Не думаю.

Дали: Но ты же слышал, Учитель, его хотят распять, а вместе с ним и этого ни в чём неповинного зверя. Прямо как меня с моим жирафом.

Учитель: Не вижу в этом ничего плохого. У каждого свой крест, и быть к нему прибитым — значит не отходить от него ни на шаг. А это могут не многие.

Дали: Но ведь это больно.

Учитель: Ещё бы. Но пока в нас есть несовершенства, мы будем страдать.

Дали: Какое же несовершенство в том, что ты испытываешь боль, когда в тебя вбивают гвозди?

Учитель: Наше тело несовершенно. И пока мы связаны с ним, мы будем страдать.

Дали: А если убить себя? Тем самым ты избавишься от тела?

Учитель: Нет. Самоубийство недопустимо со всех сторон. Чёрные Апостолы скажут тебе, что оно идёт вразрез с естественным затуханием жизни. А я скажу тебе, что, убивая себя раньше положенного срока, ты уходишь от выполнения своей миссии, ты уклоняешься от чаши. И ты не просто не оправдываешь своё рождение, но ещё и становишься предателем. Самоубийство недопустимо, Сальвадор. Запомни это.

Дали (печально): Значит, Босх умрёт?..

Матфей: Боюсь, уже умер. Я перестал слышать голос зверя.

Андрей: Да, и он снова погрузился в море.

Дали: А я ведь как в воду глядел. Однажды я спросил у Иеронима, сам не знаю почему, хочет ли он быть распятым. И даже, помнится, описал ему всю красоту этого состояния. Какая ирония судьбы... прощай, друг мой. Я всегда буду помнить тебя, твой смешной парик и твоего милого зверя...прощай...

Учитель: Будь мужественным, Сальвадор. Не позволяй чувствам завладеть тобой. Они затуманивают разум.

Дали: Хорошо, Учитель. Просто, понимаешь, это так неожиданно...

Учитель: Понимаю... Но мы что-то совсем отвлеклись. Позволим Белым Апостолам продолжить повествование о себе.

Дали: Конечно, только сначала один вопрос. (*Матфею.*) Матфей, скажи, а почему ты не мог видеть этого зверя?

Матфей: Если Белый Апостол видит формы, это плохо, значит, он недостаточно чист. В нашу основную задачу как раз входит вознестись над формами, пусть даже мысленными. Любые мысленные формы — порождения личного восприятия. Человек ими пользуется для того, чтобы преломлять чистые излучения в своё русло, иллюстрировать их и затем трактовать. Это целый механизм, Сальвадор. И при этом это всего лишь машина, отягощающая нас, и, что главное, отдаляющая чистую энергию, доходящую из космического пространства, примесью личного. Поэтому так важно уметь воспринимать сами эти лучи без помощи иллюстраций, в их чистом, первозданном виде... Белые Апостолы учатся слышать.

Андрей: А Чёрные — видеть. И в этом ты уже смог убедиться, Сальвадор. Уметь зрительно воспринимать формы очень важно с практической точки зрения. Это позволяет легче настраиваться в нужном направлении. Но это умение не совместно с духовным восхождением, по пути которого идут Белые Апостолы. На определённом уровне твоё движение обязательно остановится, есть сферы, которые ни за что не пропустят тебя, пока ты не скинешь балласт материальных форм, тебе нужно будет явить чистоту большую, чем сами эти сферы, тогда они естественным образом вытолкнут тебя наверх. В этом и есть метод очищения Белых Апостолов. Мы же движемся к алмазу внутри себя, ещё глубже погружаясь в мир материи, но и одновременно оставляя всё больше за своей спиной. Мы разрушаем всё, что стоит у нас на пути, но вместе с этим погребаем себя под обломки разрушенного.

Матфей: Чёрные Апостолы ищут красоту в формах, а мы — в их отсутствии. Собственно, я могу говорить только о своём пути, о том, что узнал личным опытом. И ты знаешь, Сальвадор, жить, когда твои мысли и мысли, доходящие до тебя, не спотыкаются о неподвижные статуи форм — одно удовольствие. Твоё движение становится лёгким, за исключением только переprav, где в преодолении сложностей есть вся прелесть. А что ещё нужно путнику? Только лёгкость движения. Каким бы ни был тяжёлым сам путь.

Дали: И всё-таки, несмотря на различность путей, твой уровень духа совпадает с уровнем Андрея?

Матфей: Нет. Наши пути расходятся сразу. А уровень духа — это индикатор пройденного пути. Таким образом, наши уровни духа тоже будут различны. Разве что есть двадцать общих точек, где наши пути пересекаются, и здесь на мгновения совпадают и уровни духа. Понимаешь, Сальвадор,

принцип восхождения совсем не похож на принцип разрушения, он гораздо сложнее. Ведь что нужно для того, чтобы начать разрушение: просто отпустить вожжи, и процесс пойдёт сам. А от восходящего требуется постоянное напряжение, ему нужно преодолевать притяжение Земли. Но пусть об этом лучше расскажет Иоанн, он уже имеет серьёзный опыт, а мне сложно говорить о том, к чему я пока ещё только прикасаюсь.

Иоанн: Да, Матфей абсолютно прав: восхождение — очень сложный процесс. Чёрные Апостолы называют его даже противоестественным, смоделированным искусственно. На самом же деле, он — сверхъестественен... Но давай сначала поговорим об уровнях духа. Существуют девять уровней духа, центральный из которых — уровень человека. Он есть точка отсчёта любого движения. На ступень ниже расположен уровень животного.

Дали: Жираф...

Иоанн: Да, в некотором роде... Затем ещё ниже — уровень растения.

Дали (мечтательно): Поля пшеницы...

Иоанн: Скорее уж сосен. Они — огненные растения.

Дали: Да, пшеницы больше нет. Она сгорела. Рисовый упырь спалил её.

Иоанн: Забудь об этом, Сальвадор... Гораздо важнее, что пребывание на уровне растений смертельно опасно для человека. Дело в том, что одновременно человек способен вмещать в себя не больше трёх уровней. Так его первоначальное состояние подразумевает главным уровнем духа — человеческий, скрытым — животный и потенциально возможным — божественный. Эти рамки не могут быть раздвинуты шире: только ступень вниз и ступень вверх. И если человек делает шаг вниз, то всё, соответственно, смещается, его центральным уровнем духа становится уровень животного, а крайними — растения и человека. Но представь себе, Сальвадор, что он вдруг опускается ниже уровня растения. Тогда его верхняя граница перестаёт охватывать уровень человека. Вот почему я говорю, что стоять в точке растения — равносильно нахождению на грани смерти. Воистину те, кто пережил пребывание там, могут сказать, что это сравнимо разве что с балансированием на краю пропасти. А те существа, которые являются им в тот момент? В них всё противно человеческой природе! Они настолько чужды человеческому естеству, что один их взгляд способен вызвать мучительную смерть.

Дали: Я знаю, Иоанн! Я смотрел в глаза рисовому упырю, когда он поджигал страну моего жирафа! Сосны тогда пришли посмотреть, как горит его жёлтая пшеница. Они встали в стороне и смотрели. Они ничего не могли поделать! Они ведь сами из огня. Это же сказал мне Иоанн. Но огонь не причиняет соснам боль, он у них внутри. А моя пшеница! Она так стонала! Ей было невыносимо, понимаешь?! Её крик свалил жирафа с ног! И он тоже загорелся! Пшеница убила моего жирафа! А он так любил её. Он сажал её. А потом поливал. Он разговаривал с ней по вечерам. (Вспоминает, улыбаясь.) Я однажды подслушал их разговор. В их голосах было столько нежности. Они сидели рядом, держась за руки, и едва касались друг друга плечами. Я тог-

да подумал, что они всегда будут вместе: мой жираф и его возлюбленная... Пшеница. Так её, кажется, звали. Странное имя. Ты не находишь, Иоанн? Мой жираф говорил мне, что она из России. У них там у всех очень странные имена... Они так любили друг друга! Я думал, что ничто на свете неспособно разлучить их... *(Тоном тише, опустошённым голосом.)* А потом пришёл этот упырь... Это он заставил её убить моего жирафа. Он вложил в её руку горящую спичку. Она бы никогда не предала его. Была какая-то причина, которую я не знаю. И не узнаю уже никогда.

Иоанн *(тихо и печально)*: Не переживай, Сальвадор. Я думаю, что сейчас они вместе. Смерть лишь намертво скрепила их союз. Твой жираф счастлив, Сальвадор. У него прекрасная жена, которая любит его.

Дали *(почти плача)*: У неё странное имя.

Иоанн: Ну и что... Пшеница... По-моему, даже красивое.

Дали *(успокоившись)*: По-моему, тоже... Скажи, Иоанн, а у тебя есть жена?

Иоанн: Нет. И не может быть... Апостолы одиноки как никто на свете.

Дали: А у меня есть Галатея. Она живёт в моём сердце.

Иоанн: Кто она, Сальвадор?

Дали: Сам не знаю... Галатея? Исида? Мария?.. Она везде... *(Говорят полусёпотом.)*

Иоанн: Мать Учителя звали Марией.

Дали: А почему ты говоришь в прошедшем времени?

Иоанн: Потому что он перестал узнавать её.

Дали: Она что-то сделала не так?

Иоанн: Да нет. Просто он уже вознёсся над страданиями.

Дали: Но ведь его ждёт распятие. Он что, перестал чувствовать боль?

Иоанн: Нет... Не перестал. Но боль теперь не способна омрачить для него радости. *(Говорят шёпотом.)*

Дали: По-моему, все уснули. Может, не будем им мешать?

Иоанн: Ты предлагаешь уйти?

Дали: Нет, не уйти. Но хотя бы выйти на минутку. Посмотреть, что там снаружи.

Иоанн: А потом сразу же вернуться?

Дали: Да.

Иоанн: А если кто-нибудь заметит?

Дали: Не заметят. Они все спят.

Иоанн: Тогда пойдём.

Дали: Пойдём. Вставай, Иоанн. Только тихо. Не разбуди их. *(Иоанн поднимает голову, а потом привстает; Дали поворачивается к выходу.)*

Учитель *(громко)*: Стоп!.. *(Иоанн и Дали замирают, потом возвращаются обратно на свои места.)*

Учитель: Куда это вы собрались?! Забыли, что вам говорил?!

Иоанн *(оправдываясь)*: Нет, Учитель...

Дали: Мы только хотели...

Учитель: Никаких только!.. Сошедший со своего места не вернётся на него никогда больше!.. Я же предупреждал: будьте бдительны. Дьявол в арсенале своём имеет бесчисленное множество уловок для того, чтобы свести вас с пути. И он многолик: сейчас он — французский художник Пабло, а через секунду — уже кровожадный упырь... Сальвадор, ты чуть не сделался предателем. А ты, Иоанн, едва не лишился жизни. Вы сами не заметили, как потеряли внимание и впустили в свои мысли дьявола. Побудьте пока в молчании, сосредотачиваясь на своих ошибках, чтобы впредь избежать их. А я закончу своё объяснение об уровнях духа, Иоанн... Итак, следующим после уровня растений идёт уровень камней. Пётр больше всего на свете хочет познать его.

Пётр: О да, Учитель!

Дали: А ты, Варфоломей?

Варфоломей: Мне предстоит пробыть в мире камней целых два года. Но для меня это не так опасно, как для Петра.

Дали: А чем этот мир так опасен?

Учитель: Для Белого Апостола опасен любой мир, лежащий ниже уровня человека. Они начинают там задыхаться. Те же ощущения должен испытывать Чёрный Апостол, если его поместить в сферу божественного. Но им это не нужно. Поэтому их путь более лёгкий, он протекает в естественном для себя русле, не заходя в смертельно опасные зоны.

Дали: Это плохо, Учитель?

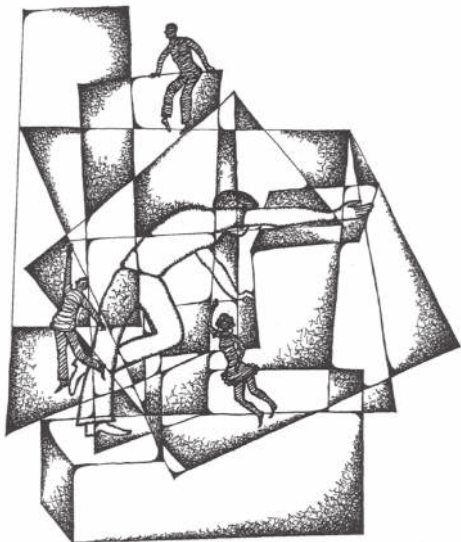
Учитель: Это и не плохо и не хорошо. Это просто есть.

Дали: А что идёт дальше?

Учитель: Ниже расположен мир сверхплотных камней, или другими словами — алмазов. Предел для Чёрных Апостолов и последняя отправная точка для Белых... Это всё о мирах, лежащих ниже человеческого.

Дали: Учитель, ты называешь уровни духа — мирами. Почему?

Учитель: Потому что это целые необъятные сферы, в которых есть свои жители, имеющие определённые, не похожие на других, свойства и возможности. Но если тебе удобнее, называй эти миры уровнями духа, Сальвадор, от этого ничего не меняется... Итак, выше че-

ловеческого уровня расположены ещё четыре мира: мир богов, сверхбогов, высоких богов и наивысших богов. Соответственно, пребывание на уровнях, начиная с уровня сверхбогов и выше, не допускает и малейшего намёка на что-либо человеческое. Только, в отличие от низших миров, высшие не будут разрушать тебя или пытаться убить, они просто не пропустят на свою территорию. Чтобы стать их частью, нужно явить нечеловеческую чистоту.

Дали: Чистоту чего, Учитель?

Учитель (улыбаясь): Ну, не одежд, разумеется... Того, что является твоими составляющими: чистоту мыслей, сердца и поступков.

Дали: Для проникновения в эти миры одной чистоты будет достаточно?

Учитель: Да, это единственно условие.

Дали: Значит, если я сейчас очищу себя, свои мысли и свои поступки, то высокие миры примут меня?

Учитель: Не так просто, Сальвадор. Ты можешь явить поток чистых мыслей, и мир богов на мгновение приоткроет себя. Но только на миг. Чтобы закрепиться в высоком мире, нужно не иметь в себе тяжести и нечистоты постоянно. Всё это должно остаться за гранью человеческого. Только так ты сможешь стать жителем высокого мира. А основу постоянства нам дают знания, приобретённые собственным опытом. И единственный способ получить эти знания — двигаться тем путём, который предлагаем тебе мы... Теперь, когда ты знаком со всеми девятью мирами: алмазов, камней, растений, животных, людей, богов, сверхбогов, высоких богов и наивысших богов — мы можем перейти к самому сложному: к механизму двух Путей.

Дали: Рисовый упырь любил механизмы.

Учитель: Да? И какие?

Дали: Страшные. С длинными металлическими носами.

Учитель: Ты имеешь в виду слонов?

Дали: Нет. У слонов длинные ноги. Почему никто не верит?

Учитель: Наверное, потому что это какие-то странные слоны.

Дали (гордо): А в моей пустыне все слоны такие странные.

Учитель: А в пустыне рисового упыря?

Дали: У рисового упыря нет своей пустыни. Но он оставляет их после себя. При помощи металлических животных.

Учитель: Ты, наверное, говоришь о танках?

Дали: Да, и ещё птицы. Тоже металлические.

Учитель: С длинными носами?

Дали: Нет, с длинными носами — это лебеди, они живут в моей пустыне вместо слоновьих голов, пока те купаются сверху животами. А у этих металлических есть усы.

Учитель: Как у упыря?

Дали: Нет, у упыря маленькие усы, а у этих — длинные и холодные, как винты у самолётов.

Учитель: Так может — это и есть самолёты?

Дали: Может быть... А почему ты всё время спрашиваешь?

Учитель: Ну, как?.. Мы же хотим понять, кто такой этот упырь?

Дали: Да... Ты знаешь, он часто приходил к Пабло.

Учитель: А почему ты раньше ничего об этом не говорил?!

Дали: Потому что я этого никогда сам не видел.

Учитель: Но откуда ты тогда знаешь, что он приходил?

Дали: Пабло — мой сынок — любил играть с металлическими кубами.

Учитель: Ну, это ещё ничего не значит.

Дали: Для тебя... А я растил его с самого рождения. И он умер у меня на руках. Ровно в шесть утра. За ним пришла розовая французская девочка, и они вместе ускакали на дырявом коне в страну, где всегда хорошо... Ну, и что, что она сестра Васеньки, главное, что они счастливы: мой Пабло и эта девочка... Пшеница. Так, кажется, её звали. Это очень редкое французское имя. (*Уйдя в воспоминания.*) Да, мой жираф по секрету говорил мне, что полюбил её из-за редкого имени. Но он боялся, что если она узнает об этом, то непременно бросит его... (*Начинает кричать.*) И однажды она узнала! Это рисовый упырь сказал ей! Это он разрушил их счастье! Он сказал, что жираф смеётся над её именем! А это неправда! Я знал, как он любил его! Как он мог часами стоять перед окном, смотреть на дождь и шептать её имя! «Пшеница», — говорил он и улыбался. А мне хотелось плакать! Каждый раз. Не знаю почему. Может быть, я уже тогда чувствовал, что всё именно так... Она, эта розовая французская девочка, поняла его неправильно. Упырь уже подсунул ей спичку! И она сожгла, сожгла себя и жирафа! Он метался по полю в последние минуты жизни! А она плакала! Всё поле плакало! Горело и плакало!.. Это не горящие водоросли раскачиваются в тёмно-изумрудном море. Это пшеница плачет. Это её слёзы. Я знаю. Мой труп плыл там. (*Успокаивается; говорит, оправдываясь.*) Я даже не подозревал, что подо мной умирает мой жираф. Я думал, это водоросли, а не пшеница. Я тут не при чём. Я был мёртв. Вы не можете обвинять меня. Я не знал. Мне казалось, они счастливы. Что вы хотите сделать со мной? Свести с ума своими взглядами? Я вижу, вы сейчас сидите здесь и думаете: «Этот Сальвадор убил своего жирафа и теперь пытается перевести вину на кого-то ещё». Вы спрашиваете меня, как мне не стыдно. Пабло тоже спрашивал меня. «Хочешь яблоко, приятель?» А я ответил ему (*кричит*): «Уходи прочь!.. Это не я!.. Слышишь?! Это не я убил его!.. Прочь, сатана!.. Прочь, прочь, прочь!.. Тебе не завладеть мной!.. Это не я убил жирафа!.. Не я, слышишь?! Это сделал ты сам!.. Ты, ты, ты!.. Пабло, это ты спалил жирафа!» (*Учителю тихим, умоляющим голосом.*) Учитель, ты веришь мне?! Ты веришь, что это сделал не я?!

Учитель: Да, Сальвадор, да. Я верю тебе.

Дали: Нет, Учитель. Ты считаешь, что это я убил жирафа?.. Так все считают. Но я не убивал его, Учитель!

Учитель: Я знаю, Сальвадор. Это был не ты.

Дали: Правда, Учитель? Ты веришь мне?

Учитель: Конечно, я верю тебе. И я знаю, как ты любил своего жирафа.

Дали: Спасибо, Учитель. Ты не представляешь, как это важно для меня знать, что ты не считаешь меня убийцей, как все остальные.

Учитель: Никто не считает тебя убийцей.

Дали: Это правда?

Учитель: Истинная правда, Сальвадор. Постарайся успокоиться. Всё уже позади, он ушёл.

Дали: Что со мной, Учитель?

Учитель: Уже всё в порядке. Ты сам прогнал его. Ты молодец, Сальвадор. Я горжусь тобой.

Дали: Учитель, я так устал. Моё тело разбито.

Учитель: Я сниму боль и усталость. Посмотри сюда. Видишь свет, исходящий из моего сердца?

Дали (вглядываясь): Н-нет, Учитель.

Учитель: Будь внимательней. Сосредоточься на поиске.

Дали: Кажется, увидел... Да, он слегка голубоватый.

Учитель: Правильно. А теперь встань так, чтобы луч падал на твоё сердце... *(Дали чуть сдвигается.)* Вот так. Хорошо... И стой так, пока не почувствуешь вновь силы и лёгкость.

Дали (постояв немного неподвижно): Да, я действительно наполняюсь энергией.

Учитель: Это энергия сердца. Она самая жизненная. Никакая мысль не сравнится с ней. Потому что она течёт свободно, без напряжения, только за счёт самой пульсации сердца... Ну что, ты теперь готов слушать дальше о двух Путях?

Дали: Да, Учитель.

Учитель: Тогда поговорим о принципе Пути Разрушения. Как и Путь Восхождения, он начинается из точки на человеческом уровне и затем в течение двух лет опускается до уровня животных. Затем в жизни Чёрного Апостола происходит некое событие, дающее импульс дальнейшему движению до уровня растений. Пройдя этот уровень, он навсегда перестаёт быть человеком. Точно таким же образом Чёрный Апостол достигает уровня камней и затем сверхплотных камней. Здесь он обретает долгожданный алмаз того конечного состояния, к которому стремился все эти восемь лет, и полностью заканчивает своё движение.

Дали: Всё кажется таким простым, Учитель.

Учитель: Но ты уже успел окунуться в нашу жизнь и знаешь, что это совсем не просто. Так ведь, Сальвадор?

Дали: Окунуться... Да, я помню. Тёмно-зелёное море. А под водой...

Учитель: Ты теряешь внимание.

Дали: Прости, Учитель.

Учитель: Итак, теперь ты узнаешь о самом сложном — о механизме Пути Восхождения.

Дали: Механизмы...

Учитель: Да. А что тебя смущает?

Дали: Механизмы с длинными носами...

Учитель: Сальвадор, мы же договорились, что ты больше не будешь вспоминать о них.

Дали: Нет, это другие. Они тоже металлические. Но у них шеи, как носы у лебедей.

Учитель: И что же они делают?

Дали (*в ужасе*): Они косят пшеницу!.. Учитель, они делают это на глазах у моего жирафа!.. А он мечется между ними! Он пытается им помешать! Но их много! Тысячи, Учитель! И они косят пшеницу! Пшеницу моего жирафа!.. Вот он пытается остановить одного из них. Встаёт у него на пути. Но за рулём этой дьявольской машины... (*Замолкает, охватив голову руками.*)

Учитель (*после небольшой паузы*): Кто был там, Сальвадор?

Дали (*опустив руки, тихим голосом*): Упырь... Я думал, он опять убьёт моего жирафа. Но он объяснил ему, что хочет засеять здесь свой рис... И мой жираф понял его. Понял и простил... А потом они взялись за руки и вместе пошли в сторону горизонта.

Учитель: Жираф и упырь?! Ты ничего не путаешь, Сальвадор?

Дали: При чём здесь упырь?! Это была розовая французская девочка. Я же уже говорил, как они любят друг друга.

Учитель: По-моему, ты немного не в себе, Сальвадор.

Дали: Нет. Это он во мне. Он влетел мне прямо в голову.

Учитель: И он сейчас там?

Дали: Брось, Учитель. Ты же знаешь, что он там живёт.

Учитель: Ему нечего делать в твоей голове, Сальвадор. Пускай убирается оттуда поскорее.

Дали: Он говорит, что не может уйти. Он сейчас занят.

Учитель: Интересно, чем?

Дали: Он выстрегивает для тебя крест. Ты же сам заказал ему крест на прошлой неделе.

Учитель: Что-то не припомню.

Дали: Н-нет, Учитель. Ты помнишь, всё прекрасно помнишь. У вас даже есть кодовая фраза (*достаёт яблоко из кармана и, предлагая его на вытянутой руке Учителю, говорит*): «Хочешь яблоко, приятель?» (*Откусывает кусочек от яблока, подбрасывает его в воздух и быстро убирает обратно в карман.*) Когда он спросит тебя так, ты должен будешь отдать ему реквием, который написал уже давно. Ты спрячешь его под плащом. Но я всё равно вижу его, он торчит у тебя прямо из сердца. Я всё знаю, Учитель, он тебе очень

нравится, и ты не хочешь его отдавать. Но всё равно придётся. Сальери — мальчик мой — сам придёт за ним. Ты узнаешь его по той фразе, которую я тебе сказал: «Хочешь яблоко, приятель?» Не забыл? Запомни хорошенько (*постепенно говорит всё тише и тише, как бы удаляясь, пока не затихает совсем*). Хочешь яблоко... Да минёт меня чаша сия... Хочешь яблоко... чаша сия... хочешь яблоко... чаша... яблоко... чаша... яблоко... чаша...

Учитель: Отступи, сатана!.. Прочь!.. Прочь от меня!.. Помню крест свой и чашу свою выпью до капли! Аминь.

Дали (*придя в себя*): Прости, Учитель. Я опять позволил ему прийти.

Учитель: Ты не виноват. Но постарайся впредь не перебивать поток моих мыслей вопросами. А то я так никогда не закончу.

Дали: Хорошо, я буду сдерживать себя.

Учитель: Итак, в основу Восхождения положен принцип маятника, колебания которого не затихают, а наоборот увеличиваются постоянной подачей новых порций энергии. Сначала Белый Апостол опускается, пока не достигнет сферы животных. Затем, при помощи усилия, поворачивает направление своего движения вверх, как будто бы оттолкнувшись от некоей грани, и продолжает движение, пока не достигнет мира богов. Потом он отпускает свою волю и естественным образом нисходит до мира растений. По такому же принципу он продолжает двигаться: до мира сверхбогов, потом вниз — мир камней, оттуда к уровню высоких богов, затем к сверхплотным камням, и, наконец, последний участок пути до предела, который только можно достигнуть — мира наивысших богов, где он полностью сливается с Богом и перестаёт существовать как земное существо. Длина Пути Белого Апостола совпадает с длиной Пути Чёрного Апостола, она также составляет тридцать шесть отрезков по восемьдесят дней каждый.

Дали: Но в чём же сложность этого Пути?

Учитель: В том, что Белый Апостол с каждым новым витком вынужден погружаться во всё более смертельно опасные для себя низшие сферы, повернуть нисхождение на восхождение в которых становится с каждой последующей всё сложнее и сложнее... Но сейчас, Сальвадор, самое важное, чтобы ты понял сам принцип, когда из животного вырастает бог, из растения — сверхбог, из камня — великий бог, и, наконец, из алмаза — величайший. Ты должен осознать для себя, что невозможно попасть в высоты Рая, не побывав в Аду. И каждый поворот пути сопровождается великими битвами: внизу — за возможность вырваться наверх, а наверху — за право быть допущенным в божественные сферы. Тебе не любопытно, почему эти люди (*показывает на Иакова-I и Иакова-II*) за всё это время не проронили ни слова?

Дали: О да, Учитель, я давно хотел тебя спросить об этом. Кто они?

Учитель: У них обоих одинаковое имя, и чтобы не путаться, мы зовём их: Иаков-I и Иаков-II. Они так сосредоточены, потому что копят силы перед битвами. Скоро им предстоит сражаться за право пересечь грань. И от ре-

зультата этого сражения зависит их дальнейшая судьба: либо они навсегда покинут нашу трапезу, либо останутся с нами до конца. Симон, Иоанн, Варфоломей и Пётр уже прошли через это причастие и знают, как это не просто.

Дали: Они сражались с дьяволом?

Пётр: Нет, Сальвадор. Вселенский Учитель испытывал нас. И это было страшнее любой встречи с дьяволом.

Дали: Кто такой этот Вселенский Учитель?

Пётр: О, это величайшее явление Мироздания! Он создан Богом для того, чтобы учить. И он так же велик, как Бог. Он везде, он размером со всю эту Вселенную! Понимаешь, как опасно для человека общение с ним? Один неосторожный взмах его руки, и человека больше нет, он превратился в пыль.

Дали: Он что, так немилосерден?

Пётр: Нет, но он знает только высшее милосердие. Однажды он просто сел передо мной, и я стал задыхаться от ужаса. В его обличии всё до мельчайших деталей было обратно моей природе. И я задыхался, не в силах даже закричать, настолько ужас сковал меня. А он просто сидел и смотрел на меня, и в его взгляде было понимание. Он протянул руку, чтобы успокоить меня, очень аккуратно, а я чуть не умер в этот момент от разрыва сердца. И он посчитал, что ему лучше уйти, и исчез. А ведь побудь он рядом со мной ещё хотя бы секунду, и я бы точно умер.

Дали: Значит, он разумен?

Пётр: Конечно, он и есть сама Мудрость Вселенной. Но при этом он безличностен. Он не какой-то конкретный человек, как наш Учитель. Он всеобъемлющ, как Бог. Но Бог никогда не нисходит на людей. Он есть правильное состояние Жизни в Космосе, и частью него можем стать только мы сами, пройдя по нашему пути до конца. А Вселенский Учитель постоянно является людям. И за счёт своей безличности он может принимать любые формы. Поэтому каждый человек видит его по-своему.

Дали: А как же он учит, если только своим видом вселяет желание убежать прочь?

Пётр: Он показывает человеку всё, что ему не хватает, всё, что лежит вне его, но должно стать им. Отсюда и весь ужас, и чем больше человеку нужно сделать, тем он сильнее.

Дали: А чему он учит?

Пётр: Вселенский Учитель учит нас, как слиться с Богом, это единственное, чему нужно обучаться человеку, всё остальное — сорная трава. И вот в определённые моменты твоей жизни он приходит и показывает тебе то, чего тебе не хватает сейчас для того, чтобы соответствовать нужному уровню. Обычно он появляется незадолго до великих битв и в самые их кульминационные моменты.

Дали: А с кем же тогда бьётся человек?

Пётр: С самим собой.

Дали: А как же служители дьявола? Ведь они тоже нападают на людей.

Пётр: Это другая война. Она тянется с самого начала Мироздания. И каждый Белый Апостол участвует в ней. Но она не имеет ничего общего с действиями Вселенского Учителя.

Дали: А Чёрные Апостолы? Разве они не участвуют в войне света и тьмы?

Пётр: Нет, они соблюдают нейтралитет. И дьявол обычно не трогает их.

Дали: Но ведь он поджжёт Варфоломея.

Пётр: Это потому, что Варфоломей помогает Учителю.

Дали: Понятно... Пётр, скажи, а есть способ самому вызвать Вселенского Учителя?

Пётр: Вообще — да. Его можно притянуть стремлением. По сути, стремление к знаниям и приводит нас к неизбежной встрече с ним.

Дали: А как я узнаю о том, как он приближается?

Пётр: По звуку. Ему всегда предшествует звук, пронзающий мозг.

Дали: Ты хочешь сказать, что этот звук воспринимается не ушами?

Пётр: Да. Эти звуковые волны можно видеть, они узконаправлены. Движение Вселенского Учителя похоже на огромную невидимую колесницу, как будто бы всё Мироздание идёт на тебя лавиной. Это очень пугает. Я сам до сих пор не могу полностью преодолеть этот страх. Последний раз он даже посоветовал мне быть с ним более раскованным.

Дали: А в каком облики он является к тебе?

Пётр: Сначала я видел его как бесформенную чёрную тень или высокое чёрно-коричневое существо со странной вытянутой назад головой, покрытой какими-то чешуйчатými наростами. Но теперь он приходит как неяркий белый свет. И это хороший знак. Вселенский Учитель принял меня.

Дали: А как долго ты уже общаешься с ним?

Пётр: Больше полутора лет. С того момента, как подошёл к грани божественного.

Дали: А в каком мире ты находишься сейчас?

Пётр: Я недавно достиг уровня сверхбогов и теперь спускаюсь в сторону мира камней через Огненные сферы.

Дали: Что ты имеешь в виду под Огненными сферами?

Пётр: Ах, да! Учитель не успел рассказать тебе о ещё одной тонкости Пути Восхождения. Он делится на четыре основных участка. Первый участок Земли включает в себя отрезок между прохождением от человеческого уровня до уровня богов, второй — участок Воды — от мира богов до мира сверхбогов, третий — ему соответствует Огонь — от мира сверхбогов до мира высоких богов, и, наконец, четвёртый — участок Воздуха — от мира высоких богов до конечной точки — уровня наивысших богов — которой уже соответствует стихия Духа. Таким образом, каждый последующий участок становится длиннее предыдущего на четыре минимальных отрезка: сначала три, затем семь, одиннадцать и, наконец, пятнадцать. Здесь возникает ещё одна

сложность с низшими мирами: с одной стороны, они пребывают в текущем участке, а, с другой стороны, являются зерном, из которого вырастает последующий. Это их свойство и обеспечивает плавность перехода одной стихии в другую. Так, например, мир животных расположен в сфере Земли, но предваряет сферу Воды. На самом же деле никакой путаницы не существует, потому что обитатели низших миров всегда тяготеют к последующим высшим и имеют их сущность. Таким образом, сущность животных — Вода, растений — Огонь, камней — Воздух и алмазов — Пустота.

Дали: И сейчас ты находишься в огненном мире?

Пётр: Да. Но вокруг царит эпоха Воды, которую провозгласил Учитель. И я вынужден с этим считаться. Высшая необходимость требует от меня, чтобы мои мысли и поступки были в гармонии с Водой. Мне хочется поразить врага одним ударом меча, а я должен обойти конфликт, как вода обтекает препятствие. Мне хочется идти прямым путём, а я должен петлять, как горный ручей. Ты не представляешь, как это тяжело действовать вразрез своей сущности. Но всё, что не следует высшей необходимости, Воле Божьей, не имеет права на существование... Эх, Сальвадор, больше всего на свете я бы хотел родиться в твоё время, когда от каждого человека требуется ясность Огня. Как бы я хотел идти, как Огонь, несмотря на препятствия и не мирясь ни с чем и ни с кем, трансформируя всё на своём пути. Ты видел когда-нибудь, как огонь пересекает поле: легко, ярко и неотвратно. Ты видел, как гордо он держит спину и как пластичны и многогранны движения его танца?! О, если бы ты видел это хоть раз в жизни, Сальвадор?!

Дали: Да видел, видел! Когда горела пшеница! Я видел это! Видел сам, своими глазами! Огонь убивал её по колоску! Долго, мучительно! И всё это время мой жираф был там! Его заставляли смотреть на это! Вы все! *(Кричит*

на Апостолов и Учителя.) Вы заставляли его смотреть! Это были вы! Вы держали его! Вы выламывали ему руки! И заставляли смотреть! Я хотел ему помочь! Но вы не пустили меня! Вы убили меня и кинули в море! Это сделал ты, Андрей! Ты, ты! Я знаю, это был ты!

Андрей: Но, Сальвадор?! Я не понимаю, о чём ты говоришь.

Дали: Не отпирайся! Тебе всё равно не уйти от возмездия! Даже сквозь тёмное море я всё видел прекрасно. Ты специально сделал его таким тёмным. Но я смотрел вниз и всё видел. И Босха убил ты, Андрей! Потому что он тоже смотрел вниз, когда его при-

бивали к кресту. Его зверь перед смертью успел вынырнуть около меня. Он хотел мне всё рассказать про тебя. Но ты схватил его за хвост с той стороны и утащил обратно на поле пшеницы, где он и сгорел вместе с моим жирафом. Но это так просто не сойдёт тебе с рук! Знаешь, что я увидел в том море, когда скрылся за горизонтом? Я увидел плывущий рояль. И за ним сидел ты. И я всё слышал. Учителю должно быть это интересно. Я слышал, как ты играл и весело насвистывал ему реквием!

Андрей: Учитель, он не в себе. Ты же видишь...

Дали: Нет, Андрей, тебе не уйти от возмездия! Я слышал, как ты играл на этом рояле. И я слышал, как ты насвистывал одну и ту же фразу, которую когда-то прошептал тебе сам дьявол: «Хочешь яблоко, приятель?» Так ты говорил? Так?

Андрей: Нет, Сальвадор, я не знаю никакого яблока...

Дали (полушёпотом): Знаешь.

Андрей (взрывается): Да нет же, я говорю тебе! Что ты привязался ко мне?!

Дали: Знаешь-знаешь.

Андрей: Нет!

Дали (шепчет): Да... ты отравил чашу Учителя... Ты налил туда яблочный сок вместо крови... И все теперь знают об этом... Ты хотел в одночасье испортить всё то, ради чего Учитель пришёл на эту Землю... Но мы с Петром разоблачили тебя... *(неожиданно обращается к Симону)*. Теперь всем известно, что ты предатель, Симон!

Пётр: Но, Сальвадор?! Я не считаю Симона предателем.

Дали: А как же всё то, что ты говорил мне про него? Пётр, разве ты забыл, как однажды сказал мне, что считаешь Симона незаслуженно занимающим место за этим столом?

Симон: Это правда, Пётр?!

Дали (кричит, не давая Петру ответить): Да, правда! Правда! Все здесь настроены против тебя, Симон! И даже Матфей, твой брат! Он любит шутить над твоей оранжевой одеждой. Он говорит, что ты в ней, как никто другой, похож на этого постоянно танцующего клоуна — Матисса. «Месье слон», — любит повторять Матфей. И каждый раз заливается нечеловеческим хохотом. *(Гримасничает.)* «Месье оранжевый слон. Не хотите ли апельсинового соку, который вы, не далее как вчера, так умело подлили Учителю в чашу? Он такой же оранжевый, как и вы, этот апельсиновый сок. Ха-ха, ну и дурацкий же у вас кафтан, месье слон. Из-под него торчат ваши длинные оранжевые слоновьи ноги». *(Разражается нездоровым хохотом.)*

Матфей: Симон, не верь ему!.. Не верь ни единому слову!..

Симон: Я уже и не знаю, кому здесь можно верить, а кому — нет!

Дали: Правильно, Симон, не верь никому. Пётр и Матфей смеются над всеми Чёрными Апостолами. Они называют их неудавшимися служителями дьявола.

Варфоломей: Ну, это уж слишком!..

Дали: Хо-хо, Варфоломей! Ты наконец-то вышел из зимней спячки?

Варфоломей: Ты забываешься, Сальвадор!

Дали: Да, я пытаюсь забыть! Пытаюсь забыть своего маленького Пабло!

Но не могу! С тех пор, как он умер, прошло уже столько лет. А всё ещё помню твоё лицо, Варфоломей. И твоё тоже, Пётр. Вы были крыльями упыря, который утащил моего Пабло! Это был трёхглавый рисовый упырь! Вы смотрели и ухмылялись! Все втроём, одновременно. А потом он схватил своими острыми когтями моего Пабло и улетел с ним! Я бежал следом! Я пытался догнать вас! Но вы — крылья — сделали всё возможное, чтобы скрыться из виду. А потом, пролетая над полем пшеницы, он выронил Пабло! Это не была спичка. Я знаю. Это был мой Пабло — мой сынок. (*Жалобно.*) Но пшеница не знала этого. Она думала, что это упырь бросил спичку, и вспыхнула. Они сторели все втроём: мой жираф, эта глупая пшеница и Пабло. Она ведь ещё совсем девочка. Она ничего не понимала. (*Учителю зловецким голосом.*) А ты сделал из неё свой страшный хлеб! И отравил им нас всех, и меня тоже!.. Ты отобрал у меня всё. Всё, что у меня было! Всех, кто был мне дорог! Ты заманил меня сюда! Ты, ты, ты! Это сделал ты! Ты сказал, что здесь я буду в безопасности, что рисовый упырь ни за что не найдёт меня здесь! А он оказался хитрей. Его взгляд был так похож на взгляд... Иоанна, когда он предлагал мне яблоко. (*Зловещим полушёпотом; отрывисто.*) Да... Иоанн... Иоанн?.. Иоанн, ты слышишь меня?..

Иоанн: Что, Сальвадор?

Дали: Иоанн... Ты уже выточил крест Учителю?..

Иоанн: Какой крест? О чём ты, Сальвадор?

Дали: Крест, который он заказал тебе... Пришло время сказать вашу кодовую фразу... Ну?.. Говори...

Иоанн: Сальвадор, я не понимаю, о чём ты.

Дали: Понимаешь... Не тяни время, Иоанн... Говори... Говори скорей... Ну?.. Тебе помочь?.. Ну, давай вместе... «Хочешь... яблоко, приятель?! Ну?.. Хочешь яблоко... Ну, Иоанн... Давай... Ну, хочешь яблоко, приятель?!»

Иаков I и Иаков II (*испуганно вскрикивают, вскидывая руки, хором*): Он пришёл!..

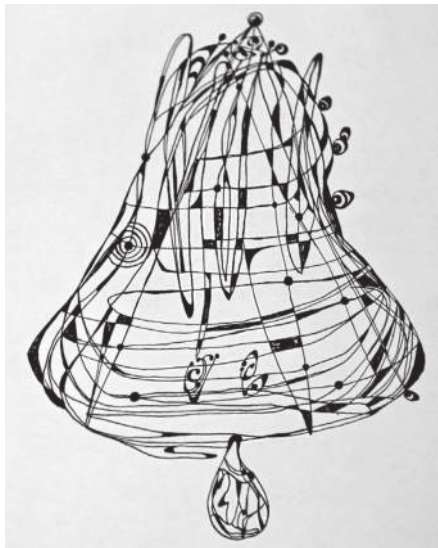
Все Апостолы одновременно поднимают лица; на некоторое время воцаряется полная тишина; Иаков I и Иаков II, обхватив себя за спины руками, начинают еле различимо вращать туловищем вокруг своей оси, оставаясь спиной к залу; постепенно их амплитуда вращения становится всё больше и больше, так что к концу происходящего они уже будут находиться в полужестазийном состоянии; при этом: Иаков-1 вращается против часовой стрелки, а Иаков-2 — по часовой.

Учитель (*тихим, скованным голосом, не меняя интонации*): Да. Вселенский Учитель здесь. Он сказал, что сегодня будет говорить со всеми. Даже с теми,

кто не пересёк грань. Нам выпала большая честь. (Смыкает треугольник из ладоней на лбу, потом вытягивает руки вверх и вперёд.)

Снова воцаряется тишина; первым её нарушает Фома: он вскрикивает и падает лицом на стол, вытянув руки вперёд; до конца сцены он будет лежать молча и неподвижно; через некоторое время один за другим Апостолы начинают впадать в транс; Учитель остаётся неподвижным в той же позе с вытянутыми руками; пока Апостолы входят в свои состояния, Дали начинает с кем-то играть, иногда слегка посмеиваясь детским беззаботным смехом; при этом он может поворачиваться лицом к залу; как только включается последний Апостол, он начинает говорить.

Матфей хватается за голову и начинает в полголоса причитать; Варфоломей усиленно отказывается от чего-то, всячески отодвигая воображаемый предмет руками; хуже всего приходится Иуде: он видит что-то ужасное, он выставил вперёд обе руки и делает попытки защититься, на его лице крайняя степень испуганности, иногда он издаёт какие-то неясные, довольно громкие гортанные звуки; Андрей ударяет себя по голове, как бы говоря, какой он был непонятливый; Левий закрывает уши ладонями, не желая слышать что-то, и слегка стучит лбом об стол; Симон начинает что-то сосредоточенно записывать на столе пальцем, иногда прерываясь для того, чтобы поднять голову и внимательно выслушать диктующего; Иоанн оправдывается, то показывая на себя пальцем, то отрицательно качая головой; Филипп рвёт на себе волосы, негромко рыча; Пётр ведёт ненапряжённую беседу, иногда улыбаясь, он о чём-то спорит, приводя аргументы и выслушивая ответные доводы, то соглашаясь с ними, а то — нет; над Апостолами стоит лёгкий гул.

Дали (говорит тихим счастливым голосом; но на грани плача; постоянно играя с воображаемым жирафом, стоя лицом к залу; иногда между фраз он слегка смеётся): Я знал, что ты вернёшься, мой милый жираф. Я всегда верил в это. Дай мне посмотреть на тебя. Дай мне прикоснуться к твоей тёплой шерсти. Жираф. Мой милый жираф. Я так рад, что с тобой всё в порядке. По-другому и не могло быть. Все эти ужасы мне приснились. С тобой всё было хорошо. Просто ты уходил на минутку. Совсем на чуть-чуть. А я не знал и стал переживать. Я думал, ты ушёл от меня, жираф. Ушёл навсегда. Я так боялся, что больше никогда не увижу тебя... Что? Ты хо-

чешь, чтобы я поиграл с тобой, как тогда, раньше? Давай. Иди сюда. Я так соскучился по твоим весёлым играм. (*Играет с жирафом.*) Ну, тише, тише. Ты порвёшь мне костюм. Хотя чёрт с ним, с этим костюмом! (*Скидывает пиджак.*) Главное, что мы снова вместе! Жираф! Мой милый жираф! Я никогда не верил в то, что мы больше не увидимся. Я никогда не верил в те ужасы, которые мне говорили про тебя. Это все злые людские языки. Многие завидовали нашему счастью. Они хотели разлучить нас. Но у них ничего не вышло! Мы снова, снова вместе!.. Но где ты был так долго, мой милый жираф?.. Что? Ты ходил собирать для меня букет цветов?! И ты принёс мне пшеницу, потому что в поле ты не нашёл ни одного цветка?! Мой милый пятнистый жираф. Это всё мне? Такой большой букет? Ты собрал эту пшеницу для меня? (*Принимает букет, вдыхает его аромат.*) Спасибо... Спасибо тебе... (*Разговаривает с пшеницей.*) Здравствуй, Пшеница. Я так рад тебя видеть, моя девочка. Ты так выросла. И похорошела. Дай я обниму тебя... Что? Ты хочешь, чтобы я отпустил тебя домой? Ну конечно! Лети! (*Вскидывает букет высоко в воздух.*) Видишь, мой дорогой жираф, Пшеница тоже хочет вернуться домой. Её там кто-то ждёт, как я ждал тебя. Ждал и надеялся, надеялся на то, что ты вернёшься. И ты пришёл. Мой жираф. Мой любимый жираф. Мы теперь всегда будем вместе. Я и ты. Всегда. До конца жизни. И никто не разлучит нас. Ты хочешь ещё играть?! Ну, давай. Давай поиграем.

Играет некоторое время; потом Иуда неожиданно встаёт, и всё движение останавливается; все пристально смотрят на него; он стоит неподвижно несколько секунд, опустив голову; потом, всё так же, не поднимая взгляда, быстрым шагом выходит из комнаты, как бы подгоняемый чувством вины; Учитель опускает руки; все переводят взгляд на Сальвадора Дали; он стоит некоторое время в замешательстве; потом садится на место Иуды, и все принимают первоначальные позы, как на картине; через пару секунд занавес опускается. Всё.

18.02.–28.03.2001.

ТАИНСТВЕННЫЕ НОВЕЛЛЫ. ОБРЫВКИ БУМАГИ, НАКЛЕЕННЫЕ НА КИРПИЧНУЮ СТЕНУ

Из десяти девять не знают отличия тьмы от света, истины ото лжи, чести от бесчестья, свободы от рабства. Похоже, не знают и пользы своей.

Трифиллий, раскольник

«Таинственные новеллы» (божественные) — это реверс человеческой реальности; мир мыслей здесь выходит на первый план, а мир образов (мир материи) — всплывает лишь изредка.

Алексей Капустин

МЯЧ НА АСФАЛЬТЕ

Полёт вдоль пропасти
шаг за шагом я выхожу из комнаты
вот уже сорок тысяч лет мои шаги
звенят под этими сводами
позади несколько метров
пройденного пути
а если долго смотреть вперёд
начинает кружиться голова
шаг за шагом
свод за сводом
я блуждаю по узким коридорам здания
вот уже несколько секунд
а пройдено уже сорок тысяч
километров
если долго смотреть на стрелки
часов начинает кружиться
голова
час за часом
день за днём
друг за другом
идём мы вдоль тени от песочных часов

не замечая стука собственных
шагов
под бездонной пропастью неба
позади никого
впереди только ты сам
комната за комнатой
дом за домом
и постоянное никогда не
прекращающееся головокружение
вот уже сорок тысяч лет с того
момента
как я впервые вступил на эту землю
бросив взгляд под ноги я
увидел пропасть
пропасть над которой скользила
чёрная человеческая тень
а по всей планете барханы
оставшиеся от песочных часов
умерших здесь за тысячелетия
за эти бесконечные четыре секунды
когда ты стоишь один посреди
пустыни
и сжимаешь голову руками

а она кружится по-прежнему
кружится
как сорок тысяч лет тому назад
шаг за шагом я преодолел
сопротивление здания
его многочисленных комнат
тяжёлых мраморных сводов
бесконечных лабиринтов
коридоров
стрелки показывали сорок тысяч
часов
наверное я опоздал
но всё равно нужно было идти
ведь меня ждёт он
ждёт уже четыре секунды
и будет ждать всю свою жизнь
я иду по улице и стараюсь
не смотреть под ноги
при виде пропасти у меня начинает
кружиться голова
при виде пропасти у меня
подкашиваются ноги
поэтому я так медленно иду к нему
но он не уйдёт не дождавшись меня
он не сделает ни одного шага пока
не дождётся всех нас
а мы идём накрытые собственной
тенью
шаг за шагом
год за годом
друг за другом
а он всё ждёт
ждёт последнего из нас
но я не хочу оказываться последним
потому что
потом мне придётся стать первым
я просто иду вот уже сорок тысяч лет
по улице вдоль освещённой

августовским солнцем дороги
и навстречу мне выходит ребёнок
у него тоже кружится голова
от того что ему приходится
высоко поднимать её чтобы
разговаривать со мной
а я молчу ему в ответ
молчу вот уже четыре секунды
растянувшиеся в его детском уме
на тысячелетия
и он с нетерпением смотрит на часы
а я не хочу чтобы он узнал меня
ведь тогда он непременно скажет
мне что я опоздал
опоздал на четыре тысячи лет
и у меня закружится голова при
мысли о том что я уже так долго
смотрю на пропасть у себя под
ногами не переставая с тех пор как
первый раз ступил на эту землю
ребёнок прошёл мимо
он не заметил меня
а я ждал его
молча
не говоря ни слова
не произнося ни звука
который бы мог зазвенеть под
сводами лабиринта и разбудить его
это был мальчик
ему четыре года
сейчас он стоит
на противоположной стороне
дороги и покупает мороженое
а я заглянул ему в душу
и там увидел ответ
он хочет остудить жар пустыни
он хочет остановить ход песочных
часов

чтобы они не пугали меня своими шагами
отсчитывающими тысячелетия
я сяду в машину
я обязательно сяду в машину
и поеду в сторону центра
в центре я найду ответ на свой вопрос
на вопрос почему у меня кружится голова
при виде тёмной пропасти собственной тени
это центр чего
это центр Мира
это центр меня самого
так я спрашивал водителя
когда он остановил машину
и предложил мне выйти
но он промолчал и это молчание
длившееся четыре тысячелетия
было равнозначно ответу что это центр города
тогда я не зарыдал
в тот день я ещё сдерживал себя
я схватился за голову и начал думать о том
как это ужасно что я оказался в городе
среди бесконечных лабиринтов улиц
они закручиваются внутрь
они все закручиваются внутрь
туда к центру
к центру всего
к одинокой точке среди Мироздания
у всей Вселенной кружится голова
и у меня тоже
даже сильнее чем у остальных

вот уже четыре тысячи лет
с того момента как я оказался брошенным в эту
ужасную гигантскую воронку
над цветочным газоном появилась радуга
оказывается я не плакал
это дворник поливал яркие цветы из шланга
и капельки воды долетели до меня
эта мельчайшая пыль забилась в мою кровь
пыль оставшаяся от песочных часов
она пульсирует там
без остановки
вот уже четыре тысячи лет
а я-то думал что это бьётся моё сердце
я думал у нас у всех есть сердце
но дворник охладил мой рассудок
вернув к реальности
у теней не может быть сердца сказал
он и рассмеялся
разрешите пройти
ах вот что он говорил
я стою посреди узкой тропинки
и мешаю ему работать
мешаю поливать яркие цветы
вот уже четыре секунды
он стоит без дела и ждёт пока я пропущу его
пожалуйста проходите
спасибо
но кто же тогда смеялся
скажите вы не знаете кто мог смеяться
наверное это был ребёнок
ответил дворник и отвернувшись

поташил тяжёлый шланг
в сторону следующей клумбы
перекинув его через плечо

ребёнок
откуда здесь может быть ребёнок
ведь он остался в другом конце

города
он остался в четырёх километрах
отсюда
там на окраине Вселенной
где не так заметен всеобщий

водоворот
от которого у меня так кружится
голова
стоя здесь в центре событий мне
приходится сжимать её двумя
руками

так крепко
что слёзы начинают течь из глаз хотя
это же дворник поливает цветы
он всё ещё поливает цветы четыре
тысячи лет без остановки
в надежде раскрасить их в яркие
цвета радуги он прямо как
ребёнок

ребёнок
где же он
наверное он уже ушёл или его здесь
никогда не было
но ведь дворник утверждал что это
звучал смех ребёнка
тогда четыре минуты назад
я навсегда запомнил этот звон
так звенят шаги под мраморными
сводами
лабиринты
комнаты

здания
мне не выдержать этого
моя голова кружится
кружится без остановки вот уже
четыре тысячелетия
со всё возрастающей скоростью
не переставая

год за годом
шаг за шагом
вдох за вдохом
так дышит Вселенная
тяжело
устало
беспросветно
как умирающий

но где же ребёнок где он где
он должен появиться с минуты
на минуту и оживить всё
оживить своим звонким смехом
а вот и он
это уже третий
правильно их должно быть трое
вместе они составляют одно целое
единое и неделимое
как и он сам

ребёнок прошёл мимо он даже
не взглянул на меня
должно быть он обижен из-за того
что я опаздываю
понимаю что опаздываю
вот уже на сорок тысяч лет
и продолжаю идти всё так же
медленно
но ведь у меня кружится голова
я не могу идти быстрее
каждый раз когда я смотрю вперёд
и вижу эту бездонную пропасть

у меня начинает кружиться голова
и подкашиваются ноги
хотя нет
о чём это я
просто я сел на скамейку на белую
деревянную скамейку с табличкой
осторожно окрашено
это его почерк
это всеобщее предупреждение
я узнаю его руку
этой рукой он бросил всех нас на эту
землю сорок тысяч лет назад
осторожно пропасть
это были его слова
да я отчётливо помню их и его голос
тоже
он звучал гулко и отдалённо
как будто бы проходя сквозь
многочисленные коридоры
лабиринта
перед тем как быть услышанным
и в этом нет ничего удивительного
он же находится в центре
в самом центре тёмной бездны
Вселенной
осторожно ты провалился в пропасть
это его крик
я слышу
слышу
спасибо за предупреждение
не за что
но вам лучше встать со скамейки
она действительно окрашена
передо мной человек в шляпе
он стоит а я всё сижу это не вежливо
но как только я встал у меня снова
закружилась голова
ещё сильнее чем прежде

это от перепада высоты
я только что одним движением
преодолею пропасть
в четыре тысячи километров
а он не знает об этом
и не понимает меня
он просто стоит и теребит поля
шляпы двумя руками
о как мне это знакомо
я так же обхватил свою голову сорок
тысяч лет назад
когда первый раз оказался наедине
с пропастью
один
один в её чёрных закрученных
к центру потоках
прошло уже столько времени а я всё
так прекрасно помню
ведь мои жилы полны песка
от солнечных часов
этих рассыпанных крупинок
сжатого времени
а его Вселенная вечна
в ней нет песка
и нет солнца
звёзды для него такие же
четырёхсекундные крупинки
 послушайте меня
я давно хотел у вас спросить
но где же вы
почему вы молчите
он ушёл
ушёл не дождавшись меня
сорок тысяч лет оказались большим
сроком даже для него
и вместе с ним ушли дети
их было трое
они стояли на противоположной

стороне улицы и ели мороженое
для того чтобы быть бесстрастными
для того чтобы заморозить
в себе желания
и остановить кровь эти бурные
потоки песчаного времени
а я заглянул им в души
и понял
понял всё
это не были дети

передо мной стояли три путника
они шли к нему
шли вот уже сорок тысяч лет
вверх по лестнице летящей
вдоль пропасти
за это время они успели уже пройти
сорок мраморных ступеней
им осталось ещё четыре в одну
сторону и четыре в другую
и они свободны
абсолютно свободны
у них больше не кружится голова
при виде собственной тени

и не подкашиваются ноги
а их руки похожи на крылья
или это действительно крылья
ну конечно
ведь всё это время я смотрел на трёх
птиц летающих по кругу
над пропастью уже четыре минуты
они приближаются к центру
с каждым новым витком оставляя
позади тысячелетия
вот они делают первое кольцо
затем второе
потом третье
четвёртое
но тут что-то происходит и они

снова возвращаются в исходную
точку
может быть достигнув последнего
кольца
они замечают что его там уже нет
что он ушёл не дожидаясь нас
и центр теперь пуст
пуст и безжизнен
но что делать
может нам самим заполнить его

птицы устали кружить
над площадью и улетели за окраину
города
в сторону леса
навстречу долгожданной свободе
а мне пора возвращаться домой
но для этого нужно сесть в машину
и поехать
вдоль дороги
вдоль собственной тени
тёмной пропасти вдоль

15–16.08 2001

ГОРА ПОСРЕДИ ЗАКАТА

сможете ли вы пройти по листу
белой бумаги не оставив на нём
следов
сможете ли вы подойти к красному
подножию горы не примяв травы
не скомкав лист бумаги
не издав крика
не упав на землю и не закрыв
в ужасе голову руками
сможете ли вы взглянуть вверх
и увидеть
фиолетово-голубую горную

вершину
сможете ли вы сдержать при этом
головокружение
и не зарыдать
не издать пронзительный крик
от которого все звери попадают
на землю
все до одного
а птицы вернутся в гнёзда и спрячут
птенцов под белоснежные крылья
под эти листы бумаги
под эти осенние листья
опавшие на землю
все до одного
когда пришёл срок
когда прозвучал чей-то неслышный
крик
кто он
кто так беззвучно простонал на всю
Вселенную сквозь весь её мрак
кто томится в её центре
в этой тёмной одинокой клетке
кто смог издать прозрачный крик
отчаянья
не оставив следов на белой бумаге
его не найти
чьи-то голоса разрезали багровую
тишину у подножья горы
их двое
это мужчина высокого роста
и ребёнок
они держатся за руки
я стою против закатной стороны
горизонта поэтому
вижу только их чёрные силуэты
но мне этого вполне достаточно
я не хочу видеть их лица
меня они абсолютно не интересуют

может быть у них и нет лиц
это не важно
но я точно знаю что они пришли
издалека
его не найти
он наверное уже начал
восхождение на гору
снова раздался тёмный силуэт голоса
говорил высокий человек
а ребёнок держал его за руку
и слушал
попробуем догнать его
голос ребёнка был изящно вырезан
из чёрной бумаги
посмотри на склон
разве ты видишь там хоть одну
тёмную точку
но у него жизненный принцип
не оставлять следов на снегу
эта гора изо льда
всё равно
это красно-фиолетовый лёд
закатное солнце делает его таким
они надолго замолчали
и эта пауза как и всё что было
связано с ними вышла на свет
из ночной бездны Космоса сквозь их
застывшие силуэты
тебе не страшно
высокий человек вновь заговорил
первым
нет
почему мне должно быть страшно
ведь он здесь
я чувствую
он всегда рядом
с самого моего рождения

этой горы то можно взглянуть ему
в глаза
и понять всё
и перестать плакать
и скатиться вниз
смытым волной отчаянья потоком
солёной воды
высвободившим остатки его души
он закричал
он снова закричал на всю Вселенную
и опять никто не услышал его
бумага снова осталась белоснежно
чистой
наверное это судьба
пойман бывает только вор
а тот кто отдал всё что у него было
получил свободу
и ушёл в сторону заката не оставив
следов на замёрзшем песке
что толку плакать
что толку замерзнуть от одиночества
и звать на помощь
что толку вглядываться в ночное
небо в поисках ответа
лучше уснуть
захлебнуться луной и уснуть
проспав ещё миллиард лет
но нет
ведь он будет кричать всё это время
и звать меня
звать всех нас
на помощь
он замерзает
помогите ему
помогите скорее
он одинок
он умрёт там без нас

один в центре мироздания
замурованный в белоснежном
лабиринте
он умрёт от старости
умрёт если мы не придём к нему
мне нужно в центр
мне нужно скорее туда к нему
в центр всего
в центр Мира
в центр меня самого
мне нужно попасть в этот круг
в эту перевёрнутую ступу
возвышающуюся в миллиарде
километров отсюда
я сяду в машину
я обязательно сяду в машину
и поеду туда
в церковь
в круглую белую церковь
к нему
одинокому
умирающему от одиночества
в сорока тысячах световых лет
отсюда
но хватит ли в машине бензина
хватит ли в этом роботе в этом
замёрзшем человеке желания
нет
оно всё вышло через слёзы
и солёными облаками улетело
под купол Космоса
купол
чёрные своды Космоса
ночная церковь Вселенной
звёзды горят в ней тающими
свечами
как хлопья солёного снега

как осколки стекла от разбитых
лампад
а он ведёт службу
одевшись в чёрные одежды и закрыв
лицо капюшоном
он ведёт службу не оставляя следов
на бумаге
он говорит для всех нас
не переставая
молча
одним лишь дыханием сердца

но в его церкви пусто
ветер выбил стекла и разбросал по
мраморному полу снег
хор не звучит
они все уснули
уснули на очередной миллиард лет
под его остывающий шёпот
и только колокола еле слышно
скрипят царапая кирпичную стену
и роняют на потрескавшиеся ступе-
ни известковую крошку
куда ведёт эта гора
уж не внутрь ли к потерянному слуху

боль успокоилась
холод въелся в тело и перестал уда-
рять о нервы барабанной дробью
прозрачные ледышки зубов больше
не стучат друг о друга
звон шагов затих под сводами чёр-
ного коридора
впереди дверь
белая тонкая дверь ведущая на сво-
боду
нужно принять решение
толкнуть её
и выйти из летящего самолёта

шагнуть в пропасть
к нему в кабинет
в эти белоснежные больничные по-
кои
должно быть парашют раскрылся
только наполовину
я отлично помню как его купол дро-
жал от ветра
как мираж посреди ледяной пустыни
как ступа спрятанная в замерзаю-
щем лунном кратере
да так и есть
купол церкви ещё не раскрылся
и все кто оказались в ней разбились
о твёрдую осеннюю землю
а он возглавил это падение
своим же словом
он первым выпрыгнул из самолёта
показав всем пример

неправда
он всегда остаётся на месте
там на самом верху
если бы он опустил хоть на санти-
метр то перестал бы быть собой
но почему ты не допускаешь способ-
ность его к самоизменению
ребёнок нетерпеливо потянул своего
высокого спутника за руку
хочешь сказать что белое и чёрное
одно и тоже
тихо произнёс тот ещё больше опу-
стив голову
да
гаснущий свет переходит в темноту
они ушли
они снова не заметили меня
такова их участь вечно скитаться во
Вселенной

и только раз в миллиард лет видеть
сквозь густой осенний туман
уголок моей измученной ожидани-
ем улыбки
улыбки не оставляющей следов на
белой бумаге

но что это
неужели я снова потерял сознание
на мгновение
ровно на один вздох Вселенной
на миллиард лет
и что это были за голоса
кто влетел в мою голову пока я спал
что это были за три белоснежные
птицы
две из них держали друг друга за
крылья
ребёнок и мать
а третья кричала на весь Космос
она стонала от ужасной боли
наверное потому что у неё забрали
единственного сына
и теперь водят его за руку
по мёртвому каменному городу и
кормят мороженым
но ведь здесь и так нестерпимо хо-
лодно
все церкви покрыты толстым слоем
инея
а матери воруют детей у отцов
мне не выдержать этого
я не могу смотреть на раненую пти-
цу бьющуюся под высоким потолком
у меня начинает кружиться голова
и подкашиваются ноги
а мне ведь идти ещё четыре киломе-
тра до ближайшей церкви
идти пешком

одному
вдоль ледяной пустыни
наступая на собственную тень
выбивая ногами эту дверь в чёрную
бездну Космоса
и врываясь к нему в кабинет

но где же он
за письменным столом нет никого
кругом разбросана чистая белая бу-
мага
должно быть он опять неустанно ра-
ботал
дни и ночи
не успевая переворачивать песоч-
ные часы
не успевая делать искусственное ды-
хание замерзающей Вселенной
вытащенной только что со дна солё-
ного моря
он трудился всю свою жизнь
за этим письменным столом
в бессильных попытках оставить
следы на белой бумаге

но что если сюда войдёт кто-нибудь
он может подумать что это я убил
птицу
но я не желал ей зла
я просто подарил ей красные перья
так все говорят
ну и что
может это действительно был он
нет
его не найти

кто-то идёт
я слышу звон шагов под мраморны-
ми сводами коридора

их двое
они держатся за руки
и разговаривают
о своём отце

они возвращаются к нему
они раскаялись и теперь спешат что-
бы поскорее броситься в его объятия
их многовековой путь подходит к
концу
но они ничего не знают
не знают самого главного
того что я навсегда заморозил его
руки
он не сможет обнять их такими ру-
ками
ведь он милосерден
а я похоронил его прямо в снегу
о ужас
ведь он наверное совсем перестал
дышать
машина Вселенной остановилась
у неё кончился бензин
из неё вышел водитель
и стало холодно
нестерпимо холодно

мне нужно признаться во всём
прийти в церковь и исповедаться
самому себе
перед зеркалом
перед круглым зеркалом плачущей
луны
откройте
святой отец откройте
это я
я стучусь
стою и стучусь вот уже две тысячи
лет

кто там
я
путник
четвёртая птица
твое время прошло
ступай домой
обратно в свой холодный кратер
святой отец у меня нет дома
будьте милосердны
а ты сам
ты был милосерден когда указал нам
на дверь летящего самолёта
и даже шагнул в неё первым
ведь ты знал всё
знал что купол не раскроется до кон-
ца
и все кто почувствуют за спиной
церковь
разобьются о твёрдую осеннюю зем-
лю
но ведь у вас был запасной парашют
на животе
ваша собственная жизнь
почему вы не раскрыли её

может быть он живёт здесь
в этой заброшенной церкви на окра-
ине города
ты снова не доверяешь мне
давай посмотрим
ну хорошо
пойдём
только сожми мою руку крепче
я слышу чьи-то голоса с той стороны
здания
они приближаются
приближаются ко мне
наверное это те двое что постоянно
преследуют меня

СВЕЧА ИСТИНЫ

святой отец
скорее
скорее откройте дверь
моей жизни угрожает опасность
впустите меня
впустите меня внутрь
в самое сердце церкви
впустите всех нас
святой отец почему вы молчите
не отпускай мою руку сейчас что-то
должно произойти
что-то непоправимое
святой отец
держи за руку
откуда этот ветер
святой отец что происходит
не отпускай руку
этот холодный ветер
откуда он
мне страшно
ключ повернулся в замке
святой отец это вы

назад
дверь распахнулась с треском
чёрная бездна Космоса
открывшаяся за ней в мгновение
засосала три беспомощные
человеческие фигурки
они летели закрыв глаза и обхватив
головы руками
и думали что даже если купол
не раскроется им не обо что
разбиваться
они никогда не достигнут дна
время осталось по ту сторону
за порогом
01-02.09.2001

земля ушла из-под ног
планета сорвалась со стены Космоса
и оставляя на ней широкие полосы в
тщетной попытке зацепиться вновь
стремительно полетела вниз
нас всё дальше уносило от неё
вверх
под самый купол
под недостижимый купол Мирозда-
ния
его не достичь
гулко прозвучало эхо в чёрных цер-
ковных сводах
колонны не имеют предела
камни бесчисленны
тени сплелись в змеинные клубки и
жалят острыми взглядами
мне страшно
кто-то выключил свет
кто-то украл ветер
раз пропал ветер значит планета уже
далеко
в огне ада
да
внутри красного грота высеченного
в основании ледяной горы
её лёд красный
закатное солнце делает его таким
исповедь состоялась

святой отец это вы
я живу здесь
но почему здесь тогда так темно
потому что служба не началась
свечи ещё предстоит зажечь
полночь не время для службы
ночью должно быть темно и холодно

а зачем зажигать свечи днём
кажется пошёл снег посмотри
ребёнок потянул высокого человека
за руку

это не снег сын мой
это кто-то зажжёт белые свечи
вопреки всем канонам
вопреки здравому смыслу
это сделал я
святой отец простите
я не выдержал
я не смог смотреть как замерзает
планета
покрытая красным инеем и поджжёт
снег
ты убил белую птицу
ты отобрал у голубя белые перья
но я подарил ей взамен красные
она счастлива
счастлива новым перьям
иди исповедуйся
ещё никому не удавалось перекре-
ститься тремя пальцами
не сломав их всех

это потому что он не оставляет следов
и не рвёт бумагу если у него не полу-
чается написать что-нибудь
у него никогда не выходит оставлять
следы на бумаге
но кто же тогда подарил птице бе-
ло-красные перья

это сделал я
сначала у неё вовсе не было перьев
и она не могла летать
когда я увидел её взгляд полный со-
лёного блеска
то переполнился состраданием и

провёл рукой
по её гладко-розовой коже
и она стала бело-красной
я разделил этот Мир

чей это был голос
кто это пытался прокричать на всю
Вселенную
это был он
он снова подавал нам знаки
брось
пренебрежительно ответил высокий
человек
ты же знаешь что он не способен ис-
пачкать белый лист
ведь он милосерден и полон состра-
дания
ты сам видел как он спас розовую
птицу
вот это как раз самое странное
серьёзно произнёс ребёнок
мне кажется он оставил следы на
птице
не говори глупости
высокий человек сдержанно засме-
ялся
он всего лишь провёл по её лбу рукой
и она ожила
да и стала петь
но я настаивал на том что она сама
начертила на себе знаки
и сама раскрасила себе перья
это сделало за неё рассветное солнце

полдень наступил
можно начинать службу
священник подошёл к двери и по-
вернув ключ открыл её
на пороге стояла девушка в белом

платье
в её ладонях горела свеча обжигая
воском смуглую кожу
церковь не была заперта и я решила
войти
вы первый раз в церкви
поинтересовался священник
я в ней бываю раз в жизни
но она живёт во мне всегда
дочь моя ты противоречишь канонам
ты противоречишь здравому смыслу
проходи я исповедую тебя
брат не может исповедать сестру
священник свечу
так значит это вы подожгли снег
я не выдержал напряжённой паузы
возникшей между нами
да я показала наивной птице весь
ужас разделённого Мира
печально ответила загорелая девушка
я осветила мрак Вселенной и указала
путь
но я не делала его таким тяжёлым
вы ведь тоже чувствуете
как купол церкви прогибается под
тяжестью его слёз
я даже слышу как скрепят потре-
скавшиеся от времени доски
в полу колокольни
это он бродит от стены к стене
запертый в полуосвещённой башне с
заколоченными окнами
бродит сцепив руки за спиной и на-
пряжённо вглядываясь вниз
сосредоточенно
без остановки
вот уже миллиард лет
с того момента когда случайный ве-

тер вдруг тронул большой колокол
и он загудел тихо и протяжно
как ожившее сердце Вселенной

он заговорил низким шёпотом
задышал
тяжело
устало
беспросветно
как новорождённый
как только что вышедший из рая
и его потерянный покой превратил-
ся в беспокойство
усиливающееся с каждой секундой
оно катится вниз
снежным комом
с вершины непостижимо высокой
фиолетово-красной горы
увеличивая размеры и скорость с ка-
ждой секундой
и уже скоро совсем скоро
оно с грохотом обрушится на землю
взрываясь с огромной силой
вспышка по силе равная свету тыся-
чи солнц ослепит планету
и она сорвавшись со стены мирозда-
ния стремительно полетит вниз
оставляя широкие полосы на чёрном
кирпиче

и наступит Апокалипсис
свечи потухнут в храмах
хор проснувшийся от многовекового
сна
затянет непрерывный реквием
обрывая напряжённые струны нер-
вов
эти натянутые до предела верёвки
колоколов

и они начнут падать
тысячами и тысячами
с неба
как метеориты
это будет колокольный дождь
а потом сквозь весь этот ужасный
скрип и лязг
вперемешку с бесконечным гудением
с неба обрушится большой колокол
гул равный по силе тысячи водопа-
дов оглушит планету
и в этой вечной невозможной тишине
появится его лицо
и оно будет серьёзным и измучен-
ным но всё же довольным тем
что операция по пересадке сердца
Вселенной прошла удачно
и она теперь обретёт новую жизнь
он пересчитает оставшихся в живых
он взглянет нам всем в глаза
и спросит разве не чувствуем мы как
легко стало дышать новым воздухом
но что ответим ему мы
ослепшие оглохшие после бури

07.09.2001

ДРАГОЦЕННЫЕ ПЕСЧИНКИ

кто-то натянул верёвки до предела
кто-то напруг наши нервы так
что они вот-вот начнут лопаться со
звуком лопнувшей струны
кто этот невидимый дирижёр кото-
рый захотел услышать
от оркестра мучительное пиццикато
зачем он ставит нас на край пропасти
кто притаился во тьме под самым
куполom церкви
кто он который смог издать нашими

голосами
неслышный крик на всю Вселенную

я здесь работаю
раздался громкий голос откуда-то
сверху
натягиваю верёвки подвожу своды
что бы они не разрушились
понимаете
он говорил с небольшими паузами
во время которых нам на голову сы-
палась известь

кто-то падает нам знаки
сверху
из самого центра
из точки затерянной в бездонном
Космосе
это чёрная птица бьётся под потол-
ком
девушка посветите туда наверх
я ничего не вижу
это потому что вас ослепила вспышка
апокалипсис состоялся

не говорите так святой отец
мы ведь слышим его голос
значит апокалипсис состоялся толь-
ко на половину
всё самое страшное ещё впереди
девушка это вы
вы снова светите нам прямо в лицо
я не могу по другому
вы ведь сами попросили показать
его вам
но ведь мы ослепли
да мы ничего не видим
я здесь

громкий голос вновь обрушился на нас
как клавиатурный колокол предвещая
падение большого
я здесь работаю
понимаете
натягиваю верёвки
подвожу своды
укрепляю колонны
что бы они не рушились
что бы они не смогли раздавить вас
когда вы снова попытаетесь облокотиться
на них
я переполнен сострадания к вам
мне безразличны ваши судьбы
и дорога ваша жизнь

он милосерден
вы слышали он милосерден
священник перебил говорящего
на некоторое время воцарилась напряжённая пауза
только молчаливая известь падала
на наши головы
и слышалось шуршание его ботинок
выдающее напряжённую работу
святой отец
почему вы не дали ему договорить
я первым прервал тишину
должно быть он хотел сказать что-то
очень важное
раз оторвался от своих трудов
да это очень важно
его голос опять пробился сквозь
мрак неосвещённой церкви
я подвожу своды
раскрашиваю стены
белю их
понимаете
и я связываю колонны верёвками

что бы они не упали на вас
на мне держится купол Вселенной
я атлант
вы понимаете
понимаете меня
если нет то ещё не поздно задать вопросы
ещё есть время
совсем немного
маленькая горстка
оно уместается у меня на ладони
вот смотрите
этот песок сыпется
сыпется вам на головы
это я посылаю вам известь
но скоро он кончится
слышите кончится
и колонны обрушатся
прямо на вас
они задавят вас всех
всех до одного
и грешников и праведников
всех кто ещё будет на Земле
времени почти не осталось

поторопитесь
скоро вы ослепнете и ещё оглохнете
и тогда я буду бессилен
и мой свет ни мой голос не затронут
ваши
погребённые под снегом и обломками
колоколов души
и планета погибнет
обязательно погибнет
и утраченную жизнь уже будет не вернуть
ваши души рассыпятся в мельчайшую пыль
и разнесутся по беспредельному

космосу
частички душ оторванные друг от друга потеряют взаимопритяжение и вы умрёте
умрёте безвозвратно
смерть отберёт у вас дар вечной жизни

но пока ещё есть время
несколько секунд
несколько крупинок прозрачного песка
этого времени хватит для того чтобы спастись
хватит если только вы ухватитесь за него
как за единственную спасительную нить
и не растеряете ни одной песчинки
поторопитесь
поторопитесь
поторопитесь

08-09.2001

МЕЧ СПРАВЕДЛИВОСТИ

это рука сжимающая меч
нет
его не поднять
не сжать
он не уловим
он не запечатлевает свой лик на портретах
он бережёт бумагу
не оставляет на ней следов
ведь её осталось так мало
всего четыре страницы пережившие тысячелетия
их возраст составляет сорок тысяч лет
они родились одновременно

с человечеством
и умрут вместе с ним
их осталось так мало
не больше двух листов
несколько каменных плит
с высеченной на них пустотой
это песчинки времени
уместившиеся у него на ладони
он милосерден
и переполнен состраданием
он бережёт их
согревая своим глубоким дыханием
вдох за вдохом
не торопясь
вдумчиво
сосредоточенно
Вселенная убивает снежинки
красными угольками тающие у него на ладони
своим холодным дыханием
почему мне так нестерпимо холодно

да
наш огонь почти погас
произнесли вместе стоявшие
посреди церковного полумрака
наполнив его паром холодного воздуха
мы готовы умереть
мы готовы быть принесены в жертву
он не примет такой жертвы
раздался в ответ твёрдый голос того
кто сжимал меч
его ладонь не возьмёт жемчужин
обжигающих холодом
а как же леденящий песок
он оказался в его руке по ошибке
разве вы не видите с какой
поспешностью

он стремится избавиться от него
роняя вам на голову известковую
крошку

но ведь он милосерден
или мы ошиблись полагая что он не
может
помочь птице избавиться
от разноцветных перьев
в её теле осталось только два пера
белое и красное
она замерзает
её обнажённой розовой коже
холодно нестерпимо холодно
в чёрной клетке осенней Вселенной
как и мне
как и всем нам

исповедуйте нас святой отец
молча
перед зеркалом
одним лишь дыханием сердца
пока ещё не поздно
пока ещё в остывших крыльях есть
перья
они уже не могут свободно парить
как раньше
розовая птица стремительно падает
вниз
на дно чёрного колодца
оставляя на кирпичной стене
Космоса широкие полосы
в бессильных попытках зацепиться
за неё когтями
острыми как меч сжатый в руке

я знаю дети мои
я знаю всё
и как ужасно падение птицы

и как глубока пропасть
и как неминуема гибель
но я не могу ей помочь
о если бы птица была бела или красна
но так как она розова а не бела
и не красна
то я низвергнул её
да я срубил сук на котором она
сидела
своим мечом
тем что я неустанно сжимаю
в своей руке
вы не милосердны
я знаю только высшее милосердие
мне нестерпимо смотреть
как кровоточат глубокие раны
оставленные в стене храма когтями
падающей птицы
но не ваш ли меч разрубил церковь
на две половины
это сделало за меня закатное солнце
чей это был голос
чьё милосердие так обжигало
холодно
как имя меча сжатого в руке того
кто бросил нас одних в пустыне
четыре тысячи лет назад
вы хотите превратить мой меч в
ключ
вы хотите открыть дверь в стене храма
дверь ведущую на свободу
вы хотите заменить мрак космоса
синим небом
да
мы хотим этого
мы хотим получить ключ от алтаря
кто-то запер его
запер по ошибке

и птицы запоят сидя
на распускающихся лепестках
белой розы
на сверкающем лотосе единства

дайте нам ключ
наше время подходит к концу
снежинки тают на разгорячённых
ладонях
дайте нам ключ святой отец
птица уже ослепла
она уже без сознания
она падает в бездну и не сознаёт этого
дайте нам ключ
дайте нам ключ которым мы смогли
бы открыть ей глаза

вы слышали звон весенних ручьёв
дети мои
вы слышали как звенит связка
ключей в моей руке
как бряцают оковы под серыми
мраморными сводами
это оружие ударяет о металлические
доспехи
слышите тяжёлые удары сапог
многочисленной армии
они звучат ровно
глубоко
неизбежно
как пульс замерзающей Вселенной
основания этих ледяных гор
красные а вершины фиолетово-
голубые
мы были у подножия одной из них
когда искали его
того кто смотрел на нас сверху
и подавал какие-то знаки
да мы провожали фиолетово-

красную песчаную скалу
когда она уходила в ночное небо
закатное небо сделало её такой
нет
эти красные пятна на зубах
Вселенной кровь его сына
и каждый кто ещё жив кормит его
мороженым
каждый ходящий по телу мёртвой
розовой птицы убивает его
это рука сжимающая перевёрнутый
меч
каждый видящий его распятым на
кресте
вбивает в его тело острые ледышки
взгляда
каждый слушающий его речь стоя
посреди мраморного лабиринта
продлевает его страдания
подсыпая в солнечные часы новые
песчинки
их тень растёт
с каждой секундой
она становится всё длиннее
и длиннее
пропасть всё углубляется
и углубляется
скоро её будет невозможно
перелететь
и даже раскрывающийся купол
церкви уже не поможет
ступу спрятанную в лунном кратере
окончательно занесёт снегом
и мы все погибнем
все до одного
святой отец что это
это не перевёрнутый меч
это крест

моя рука сжимает крест
тогда перекрестите нас
разделите нас на четыре части
как вы это сделали с его телом перед
тем как раздать куски хлеба
нищим
святой отец почему вы молчите
неужели мы
ослепшие и оглохшие
ещё и онемели
от холода
от ледяной тишины остановившихся
сердец

23–24.09, 01.10.2001

СВЕТ

свет
вы видите этот свет
неужели наши глаза распахнулись
как двери храма
в полдень
когда осеннее солнце достигло своей
высшей точки
мы прозрели
мы снова стали видеть
вновь обрели зрение
святой отец это вы всё-таки
подарили нам ключ
в честь долгожданного начала
службы
вы милосердны
святой отец взглянул на меня
невидящими глазами и тихо
прошептал
нет сын мой
это открылся глаз сердца
око милосердия

святой отец почему вы плачете
почему ваши глаза полны слёз
зачем вы пытаетесь
вырастить из пола храма блестящий
кристалл сталагмита
сейчас когда наконец-то наступило
время радости
я поднимусь по этой горе к нему
туда под купол
в его кабинет
я выставлю себе дорогу страданиями
моя лестница будет усыпана солью
как снег
чтобы не поскользнуться
и не упасть
в чёрную бездну
на дно ада
как это произошло с розовой птицей
я стремлюсь под купол

кто-то поймал мою известь
раздался голос сверху
наконец-то
хоть один человек понял меня
а мои знаки так и остались
замёрзнуть у подножья
фиолетово-красной горы
той по которой святой отец только
что попал к вам в мастерскую
Вселенной
в самое сердце пружины солнечных
часов закрученной к центру
когда я смотрю на неё моя голова
кружится
неистово кружится
а ноги начинают подкашиваться
поэтому я не могу подниматься
по лестнице быстро
даже если она посыпана солью

я боюсь высоты
помогите мне
помогите скорее
неужели вы не видите что я посылаю
знаки вот уже сорок тысяч лет

кто это прокричал на всю Вселенную
снова тебе слышатся какие-то

несуществующие голоса
проговорил высокий человек

сжав руку ребёнка
разве ты не видишь его до сих пор
пройдя уже большую часть пути
устало ответил ребёнок

он не перестанет посылать нам
знаки пока твои глаза не откроются
и не увидят всё величие

вспыхнувших свечей
девушка это вы осветили церковь
я бросился к загорелой девушке

чтобы расцеловать её руки
покрытые плотным слоем воска
она отстранила меня и тихо

произнесла
смотри

её взгляд был прикован к алтарю
она не замечала ничего вокруг

а только тянулась
всем своим существом к восточной
стене храма

я повернул голову туда
куда указывала её чуть дрогнувшая
от волнения смуглая рука
из чёрного пола перед алтарём

исходило белое свечение
образуя лёгкий туманный полукруг
как будто бы с востока поднималось
Солнце Вселенной

это распустился Лотос Единства

и сквозь его полупрозрачные
лепестки
торжественно мерцало множество
желтоватых звёзд-свечей
сплетаясь в грозди созвездий
кометы лампад мерно

раскачивались в Космосе Храма

что это
спросил я девушку со свечой

онемевшими от волнения губами
она нежно улыбнулась мне взяла
за руку и ответила

эта дуга нимб Матери Мира
она поднимается

скоро мы увидим рассвет рождения
младенец появится на свет
да

она сотворит его
чтобы принести в жертву

она переполнена сострадания
к погибающей розовой птице
и поэтому готова положить

единственного сына на алтарь
и заколоть мечом справедливости
расколов это сияющее солнце на две
половины

белую и красную
и тогда уста низвергшие птицу
примут её обратно

но что скажет Он
на то что в нём поселится
какая-то птица

заняв место его сына
которого он будучи милосерден
сам низверг на холодную алтарную
плиту обнажённым телом
агнец сам захотел быть

принесённым в жертву

21.10.2001

Пояснения автора к таинственным новеллам «Обрывки бумаги, наклеенные на кирпичную стену»

Человек упирается в кирпичную стену — бездуховность.

Повествующий от первого лица — мирской человек.

Девушка со свечой — освещение истины.

Святой отец — тот, кто стоит на ступень выше.

Он — Один, Господь Бог.

Высокий человек и ребёнок, которые держатся за руки — двойной персонаж.

Дух (высокий человек), Сын (ребёнок) — вместе они образуют одухотворённого сына.

Известь — известие, интересное слово.

Лабиринт — библиотека, книга.

Колокол — ступа, сердце Вселенной.

Белая кровь — Сына Божьего, красная — человеческая, отсюда и разный цвет перьев.

Ходит между строк книги, как по лабиринту, поэтому бумага под ногами белая и без его следов, а стены — и есть его послания, ограничения, заповеди, законы.

События развиваются в обратную сторону, из настоящего в прошлое, в глубь, к источнику импульса.

Образы постепенно смешиваются, приближаясь к единению, отсюда возникает возрастающая таинственность.

Человек, в котором совмещены «день и ночь», — божественная искра в дьявольском оформлении.

«Я — ясность», — говорит Он.

«Я — тайна», — доносится эхо, проходя сквозь тёмные коридоры лабиринта. Это оттого, что в середине изогнутого тоннеля есть зеркало.

Бог — вершина таинственного. Делая шаг вверх, осознаёшь то, что было тайной, преодолеваешь таинственное, делая его ясным, но ещё больше таинственного получаешь на новом уровне.